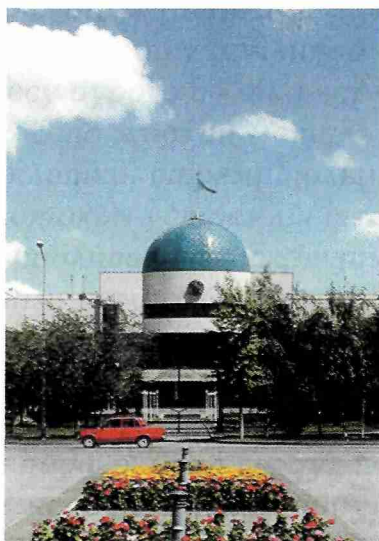


Н. А. НАЗАРБАЕВ

КРИТИЧЕСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ



АЛМАТЫ
АТАМУРА
2003

**ББК 66.3(2)К
Н 17**

Назарбаев Н. А.
Н 17 КРИТИЧЕСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. – Алматы
Атамұра, 2003 – 240 стр

ISBN 9965–05–683–8

Н $\frac{0803010200-009}{418(05)-2003}$ Без объявл.

ББК 66.3(2)К

ISBN 9965–05–683–8

© Назарбаев Н. А., 2003
© Издательство «Атамұра», 2003

Введение

Память огня

Сквозь плотную завесу пыли и дыма пробиваются ослепительно белые снопы искр, словно фейерверк, рассыпающиеся в разные стороны. Привычным движением железной «пики» я открываю летку доменной печи и ко мне сквозь завесу бурого облака вдруг пробивается солнце. Это жидкий металл, вырвавшись из своей клетки, стремительным бело-золотистым потоком устремляется по сливному желобу и проливается искрящимся водопадом. Раскаленный воздух буквально ударяет мне в лицо. Жар настолько сильный, что в такие минуты на глазах волей-неволей выступают слезы и на мгновение становится трудно дышать от недостатка воздуха.

Еще совсем недавно, каких-нибудь тридцать лет назад, когда неопытным новичком я стоял у огромного чана-печи с бушующей стихией огня и металла или работал под оглушающий грохот прокатного стана, меня охватывало непреодолимое желание вырваться на свежий и живительный воздух степных просторов, вновь ощутить запах ковыля и пронзительную тишину предвечерней равнины. Особенно запомнилось некое чувство страха и трепета, которое присуще

каждому новичку, когда представляешь, что от тысячеградусного моря жидкого кипящего металла тебя отделяют только несколько метров, твое неосторожное движение и непредсказуемая техническая случайность, присущая каждому сложному металлургическому процессу.

Параллели и аллегории не всегда бывают уместны и, как правило, субъективны... Но все же аналогии властвуют над нами даже подсознательно: природа и сила огня всегда и везде одинаковы, будь-то доменная или конвертерная плавка металла или стихия иной породы – разрушительный шквал человеческих страстей. Тех страстей, неумение контролировать и управлять которыми всегда оборачивается разрушением и бедами.

Безопасность в доменном цеху обеспечивается, в первую очередь, самым строгим и адекватным соблюдением всех элементов сложной технологической цепочки. Во взаимоотношениях людей и сообществ, к сожалению, не существует достаточно строгих правил для исключения разрушительных последствий.

Великий казахский мыслитель Абай говорил: «Вражда – не отстаивание истины, а зависть или просто неумение жить в согласии». Трудно сказать, в какой степени зависть присутствует в истинных причинах тех политических и социальных

проблем, которые охватили нашу планету. Но одно бесспорно – в основе многих конфликтов и противостояний, полыхающих или вспыхивающих на разных широтах, лежит элементарное «неумение жить в согласии». И, если точнее, неумение обеспечить согласие и недостаток убедительности в обеспечении мирного компромисса. Неумение и неубедительность тех, от кого это зависит.

У современной истории очень плотный график. То, что раньше длилось столетиями и десятилетиями, сегодня длится мгновение. Главы и президенты государств встречаются ежедневно, а когда-то даже правители соседних держав не встречались никогда или только в том случае, если их встреча означала начало или конец того или иного правления или государства. Сегодня новые государства и союзы возникают чуть ли не каждый месяц, а для того, чтобы они приобрели законченную форму и структуру, требуются считанные годы.

Отклики, будь-то крах фондовых показателей или чрезвычайное происшествие регионального масштаба, растекаются по планете столь быстро, что впору говорить о единой центральной нервной системе человечества. Как говорят философы, сегодня в пространстве мы приобретаем в силе то, что теряем во времени. Калейдоскоп событий и процессов меняется с такой голово-

кружительной быстротой, что мы зачастую не успеваем внимательно рассмотреть и осмыслить отдельные узоры регионов и общества.

Образно говоря, картины мира и миропорядка меняются столь быстро, что их художники и эксперты-ценители не успевают размешивать политологические и социологические краски. И для того, чтобы увеличить эту палитру, зачастую приходится вводить новые эвфемизмы и неологизмы. И самые значительные и распространенные из них – глобализм и международный терроризм.

Для одних глобализм – это Новый Вавилон, который еще больше разъединит народы и похоронит в своих обломках ее архитекторов и инженеров. Для других глобализация – это некая Единая Теория Поля, которая позволит объединить и учесть интересы всех сил, отражающих интересы социально-культурных обществ и государственных сообществ.

Для противников глобализации это всего лишь новые названия для старых явлений – неокOLONиализм, неовестернизация, неомодернизация.

Сторонники глобализации приводят существенные аргументы и наглядные доказательства того, что именно глобализация способствует значительному научно-техническому и социальному прогрессу бывших до этого отсталых регионов.

У каждого своя система доказательств и свой набор аргументов. Но истина, как всегда, где-то посередине. Одних глобализация действительно загоняет в «каменный век», других оплодотворяет своей жизненной энергией и растущим процветанием.

И то, как глобализация войдет в нашу жизнь, позитивно или негативно, зависит не только от нас самих, нашего осознанного и интуитивного стремления к гармонии и благополучию. Многое, если не все, зависит от других, подчас неуловимых факторов – культурный потенциал, исторический традиционализм, экономическое состояние, ресурсная база и... собственное или национальное мироощущение и мировосприятие, которые не всегда поддаются логике или строятся на конструктивной основе.

То же касается так называемого международного терроризма, экстремизма и сепаратизма, которые стремительно и жестко ворвались в наш обиход и межгосударственный язык.

Террор, сепаратизм и экстремизм в своих самых крайних проявлениях – это хронические болезни организма мирового сообщества, зараженного политическим, социальным и экономическим неравенством. Нельзя сказать, что болезнь имеет больше геополитические синдромы, нежели социальные. Нельзя сказать, что в ней

больше от экономики, нежели свидетельств актов гражданского неповиновения или политического протеста. Или как-то по-другому. Здесь всего понемногу.

Терроризм, сепаратизм, экстремизм – это война. И как во всякой войне мы, члены антитеррористической коалиции и страны доброй воли, не можем не применять оружие. Но терроризм невозможно уничтожить, если не уничтожить и катастрофическую пропасть между богатыми и бедными мирами, декларации о мире и одновременные поставки оружия, наркотическую зависимость миллионов людей планеты и возможность делать на этом огромные деньги, геополитические амбиции и эгоистические интересы в ущерб народам и государствам.

Но оружие, пусть даже самое смертоносное, здесь бессильно. Загоняя страны и народы в «каменный век» в пылу борьбы с терроризмом, мы будем постоянно только оживлять само понятие «терроризма», не давая уйти ему в небытие.

Только поняв, что «международный терроризм» – это не самостоятельное явление, а только видимая, надводная часть айсберга, мы сможем не просто срезать грибы терроризма, произрастающие на благодатной почве социальных и экономических пороков, но и устранить саму возможность для их возникновения и роста.

В порыве благородного гнева, давая себе клятву бескомпромиссной войны с международным и региональным терроризмом, мы все же должны трезво и ясно ответить на четко поставленный вопрос: «С кем или даже с чем мы должны бороться на самом деле и каким образом мы должны это делать, чтобы искоренить этот все-ленский «ужас»?».

Только объективно и правильно ответив на этот вопрос, мы забудем эти страшные слова – «терроризм, экстремизм, сепаратизм».

Человечество, уже сейчас прочувствовав и осознав опасности, может делать более чем конкретные шаги на пути разрыва между богатством и бедностью, между «богатым миролюбием» и «агрессивной» бедностью. Во всем том, что приносит смерть и разрушения всем странам без исключения.

И возникает произвольный вопрос – сколько стоит сделать первый шаг на пути ослабления напряженности во всем мире, связанной с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом? Необходимо ли для него такое уж нечеловеческое напряжение сил и непомерные усилия?

Только один не самый впечатляющий, но довольно наглядный пример.

Десять лет назад на Ассамблее ООН я сделал простое по своей сути и духу предложение

государствам-членам ООН: давайте объединим усилия, сделаем шаг доброй воли и отдадим один процент военного бюджета всех стран на решение проблем кризисных регионов и развивающихся стран.

Это позволит сгладить противоречия и, по возможности, избежать ряд возникающих противоречий и конфликтных ситуаций. Уже тогда стремительные шаги глобализации и «полярная» неопределенность мира говорили о надвигающихся грозах, связанных с их проявлениями и последствиями. Но казахи говорят: «Когда слышится топот опасности – человек глухнет, когда возникает ее тень – человек слепнет».

Призыв о взаимном и благотворном компромиссе не был услышан.

Был ли призыв несвоевременным? Возможно.

Был ли призыв голословным? Как оказалось, нет.

Все были слишком взбудоражены крушением советской тоталитарной системы и очарованы надеждами, связанными с возможностями глобального объединения человечества на принципах либерализма. И всем казалось: уже не осталось препятствий к этому, наивно полагая, что все образуется само собой. К чему волнения и революции, если теперь все страны и так будут тра-

тить меньше на вооружения, в которых уже нет такой острой необходимости, как раньше в период соперничества двух «больших братьев».

Прошло десять лет и, как мы любим говорить, мир изменился. «...На этом форуме я хотел бы повторить свое предложение, высказанное ровно десять лет назад на Генеральной Ассамблее ООН, — о сокращении военных расходов всех государств на один процент и направлении их на развитие беднейших стран» – эти слова я произнес совсем недавно – в сентябре 2002 года на Саммите в Йоханнесбурге, спустя почти год после трагедии 11 сентября 2001 года.

Утверждая, что мир изменился, мы должны отметить и показать, что же все-таки изменилось? К сожалению, точное следование фактам и хронологическое сопоставление состояния мира до и после американской трагедии наглядно показывает нам, что ничего или почти ничего не изменилось.

В пользу изменившегося мира, с одной стороны, говорят такие факты, как смена режима «Талибан» в Афганистане и усиление антитеррористической деятельности во всех странах мира. Но «Талибаном» терроризм отнюдь не исчерпывается.

И нетрудно заметить, что масштабные события такого уровня в истории человечества проис-

ходят чуть ли не ежегодно. По крайней мере, с завидным постоянством. И после них никто не утверждает о глобальном изменении мира в том понимании, которое мы вкладываем в него сегодня.

Более того...

Стало ли меньше бедности и нищеты на планете? Нет!

Уменьшилось ли производство психотропных веществ и уровень их потребления в мире? Нет!

Стало ли меньше религиозной агрессивности и нетерпимости между ведущими конфессиями? Нет!

И так далее – нет, нет и еще раз нет!

А кровавые теракты на Бали и захват заложников в Москве?

Более того...

Ведущая террористическая организация «Аль-Каида» существует до сих пор. Жив или мертв «международный террорист №1» Усама бен Ладен, мы не знаем точно – но, как и раньше до 11 сентября 2001 года, везде ощущается его незримое присутствие.

И это чувствуется даже в мелочах. Говорят, ведущие авиационные компании во время своих рейсов вновь начинают использовать металлические ножи и вилки при обслуживании пассажиров. Поток авиапассажиров вновь восстанавливается, и многочисленные службы безопасности уже не

в состоянии контролировать и тем более обеспечить полную безопасность во время полетов.

Опасность ушла и человек опять словно бы ослеп.

Жизнь не стоит на месте. И сегодня есть признаки того, что предусмотрительность, осознанное взаимопонимание и атмосфера доверия, которые властвовали над нами все эти тревожные дни, вновь уступят место беспечности, непониманию и недоверию.

Чтобы победить опасность, надо не забывать о ней и не уклоняться от нее. Нужно идти ей навстречу и бороться с ней коллективными усилиями, отбросив геополитический эгоизм, межконфессиональные предрассудки и политические амбиции. Особенно если это те хронические болезни нашей планеты, которые перерастают в терроризм, зачастую в особые и наиболее агрессивные его формы.

Мы декларируем, что во имя всеобщей безопасности право сильного должно быть заменено на международное, коллективное право. Формально мы можем сказать, что в межгосударственных отношениях руководствуются в основном международным правом. И во многих случаях так оно и происходит. Апелляция к международному праву стала традицией и «мирным» оружием многих государств. Авторитет междуна-

родного права достаточно высок и подтвержден даже ясной и четкой историей своего возникновения, самоутверждения и безоговорочного признания со стороны подавляющего большинства стран планеты.

1648 год. Изнуренная многолетней и жестокой войной, разобщенная Европа жаждет мира. Но не просто мира – хрупкого и неустойчивого. Она требует большего – гарантий и конструктивных мер, которые должны были стать эффективным средством сдерживания для новых войн и конфликтов. Долгожданный мир между воюющими сторонами был, наконец, подписан в здании готического собора Мюнстера и ратуше Оснабрюка, городах, расположенных в Вестфалии. Интересы религии уступили место интересам государства. Так родился Вестфальский мирный договор, который дал Европе шанс на выживание и будущую безопасность, основанный на новых понятиях – «суверенитет» и «национальные интересы».

Возник новый миропорядок – на смену неизбежным междоусобным феодальным и религиозным войнам пришла возможность мирных межгосударственных соглашений, основанных на праве автономии и суверенности. Новая система отношений, основанная на Вестфальском мире, переросла в реформу, давшую в конце концов миру прогрессивную и целеустремленную Объе-

диненную Европу. За редким исключением, система европейской безопасности, основанная на Вестфальском мире, оправдала себя и окончательно рухнула в результате Первой Мировой войны.

1919 год. Система европейской безопасности, основанная на договоре 1648 года, после кризиса наполеоновских завоеваний, в конце Первой Мировой войны полностью исчерпала себя. Принцип неприкосновенности границ и незыблемости суверенитета уже не обеспечивал мир и не служил более или менее действенным инструментом предотвращения войн. Нужны были более весомые и надежные гарантии, чтобы огонь мировой войны не разразился вновь. Тем более, что с востока на Европу надвигалась новая опасность – коммунистическая угроза. Советская Россия в принципе не признавала европейский миропорядок, основанный на нерушимости границ и национальных интересах и открыто пропагандировала мировую революцию, не признающую границ и суверенитетов. 28 июня в Версале, резиденции французских королей, между странами Антанты и Германией было подписано соглашение, которое установило новые правила геополитической игры в виде так называемой Версальской системы послевоенного устройства мира. Кроме всего прочего, Версаль дал миру новое новшество –

понятие «гарант мира». Теперь мир должен был держаться не на прежних принципах национального суверенитета, а на опасениях потенциального агрессора перед коллективным гарантом мира, каковым выступала Антанта.

По замыслу устроителей новой системы мира, только на устрашении возможного инициатора войны можно обеспечить сам мир. Первую трещину в Версальском мироустройстве дала Советская Россия, успешно противостоящая Антанте и переросшая в могучий Советский Союз, продолжающий исповедовать идею мировой революции. Окончательный удар Версальскому миру был нанесен реваншизмом и фашизмом в Германии, приведшим в перекройке географической карты Европы и других регионов мира. Столь сокрушительное поражение Версальской системы безопасности привело также к принижению роли «европоцентризма» в международных отношениях, на смену которому пришел «американоцентризм»...

Ялта 1945 года надолго установила геополитический паритет, рухнувший в 1991 году...

2001 год. Мир потрясла так называемая «асимметричная» война. Война между экстерриториальной организацией без регулярной армии с державой мирового уровня со всеми атрибутами государства. Война «Аль-Каиды» с Соединен-

ными Штатами Америки. Самым чудовищным и жестоким образом, о себе заявила новая геополитическая сила – международный терроризм. Впервые в таком глобальном масштабе люди планеты ощутили присутствие врага, приносящего смерть и разрушение, который в своем черном деле не знает меры: он не признает международного права, его не могут остановить или быть более осторожным государственные границы и он не боится «гарантов мира», какими бы сильными они ни были. Дракон терроризма существовал всегда и всегда вероломно наносил удары по своим противникам. Но так открыто и масштабно – никогда. США даже в войне с Ираком, имеющим достаточно высокий военный потенциал и хорошо обученную армию, во время «Бури в пустыне» понесли гораздо меньшие человеческие потери, чем в войне с отдельно взятой экстерриториальной организацией «Аль-Каида», пусть и международного масштаба.

Международный терроризм полностью торпедировал все доселе существовавшие и существующие системы глобальной и региональной безопасности. И мир, еще не оправившись от первого шока, до сих пор не отреагировал на новую угрозу адекватной системой безопасности и новой конструкцией миропорядка.

Так или иначе, безопасности, как глобальной,

так и региональной, не стало больше или меньше. Так же, как не стало больше безопасности после Первой Мировой войны. Так же, как не стало меньше опасностей после Второй Мировой войны. Так же, как не стало больше безопасности после «холодного» противостояния двух систем. Так же, как не стало меньше опасностей после «асимметричной войны» 11 сентября 2001 года.

Если и говорить об изменениях в системе миропорядка, то можно отметить, что угрозы глобальной, региональной и национальной безопасности не только не уменьшаются, но и приобретают новое качество и иные масштабы. И характер геополитического противостояния между стабильностью и дестабилизацией, между организацией и хаосом стал совершенно иным и приобрел новые качества.

Но еще раз со всей очевидностью мы должны осознать, что международный терроризм, экстремизм и сепаратизм – это всего лишь внешние проявления скрытых болезней человечества. И эта болезнь не из тех, которые можно лечить в одиночку, она требует коллективного консилиума всех стран и сообществ. Более того, от одних она потребует определенных жертв, от других – доброй воли и умиротворения. Только в случае достижения двухстороннего компромисса между «богатым» и «бедным» мирами, только в том

случае, если сверхпроизводство будет учитывать фактор «бунтующей» природы, губительно сказывающийся на всех, только в случае коллективных усилий по устранению истинных причин агрессии и вооруженных конфликтов, мы сможем заговорить о позитивности глобализации и ликвидации террора во всех своих проявлениях.

Сегодня модно стало говорить о Каспийском регионе и Центральной Азии как о «Вторых Балканах». Причем, чуть ли не уже состоявшихся. Но мне представляется, что здесь не стоит драматизировать ситуацию или гоняться за дешевой сенсационностью.

Заглянем в хронику короткого исторического промежутка независимого развития стран Центральноазиатского региона. Здесь мы заметим, несмотря на весь хаос периода после «парада суверенитетов» и практическое отсутствие опыта миротворчества на международном уровне, ряд впечатляющих примеров, когда государственная и общественная дипломатия во имя стабильности и мира в значительной степени способствовала повышению безопасности этого региона.

Миротворческий потенциал Центральной Азии достаточно значителен для того, чтобы не ударяться в крайности. Несмотря на ряд кризисных ситуаций, мы имеем полное право утверж-

дать о подавляющем чувстве миролюбия и отсутствия инстинкта агрессивности у наших народов. Даже в Таджикистане, где полыхала гражданская война, стихия была укрощена только за счет общественного договора – мирного процесса урегулирования внутри самого общества. Это касается и такого сложного и тонкого вопроса, как межгосударственные границы среди стран СНГ, которые оказались как бы подвешенными после распада СССР. Факт остается фактом. Во многих регионах мира именно этот вопрос приводил к трагической развязке. И примеров этому – множество. В Казахстане процесс делимитации границ прошел исключительно мирным путем – на основе формальных процедур и дипломатических переговоров.

Казахстан – одна из немногих стран СНГ и Центральноазиатского региона, которая не испытала ужаса гражданской войны или хаоса социальных беспорядков. Нас не коснулись стихии террора, экстремизма и сепаратизма. Нас не коснулись и не затронули все те беды, которые нам предрекала смутная эпоха после обретения государственного суверенитета.

Все свои проблемы, внутренние и внешние, мы решали исключительно мирным и ненасильственным путем. Мы осознали достаточно четко – государства всегда найдут точки соприкосновения,

если они строят свои отношения на договорной и доверительной основе. Если «язык пушек» действительно является продолжением политики, то это означает, что первоначальная политика представляла из себя несовершенную конструкцию и строилась на иррациональных началах. Если в основе политики лежит искреннее стремление к миру и миротворчеству, то она неизбежно заканчивается тем, с чего начиналась.

Бесспорное свидетельство этому – многолетние усилия Казахстана по мирному разрешению конфликтов и проведенный в Алматы первый Саммит Сопровождающих по взаимодействию и мерам доверия в Азии, ставшего крупнейшим миротворческим форумом в нашем регионе, объединившим евразийские страны.

Последнее хронологическое свидетельство неагрессивных устремлений наших народов – подписание договора о делимитации границы между Казахстаном и Узбекистаном. Ведь еще недавно о высокой конфликтности этого «камня преткновения» активно говорила мировая и региональная пресса. Вплоть до межгосударственного противостояния. Этого не произошло. Конфликт был разрешен исключительно мирным путем. И только этим путем был устранен этот пока еще не последний камень преткновения между странами Каспийского и Центральноазиатского реги-

онов. И, надеюсь, только таким путем будут устранены и все оставшиеся межгосударственные и межобщественные претензии и конфликты. И такое толерантное отношение многих руководителей нашего региона характерно для многих спорных случаев и конфликтных ситуаций.

Бесспорно, у меня есть все основания сомневаться в справедливости теории «вторых Балкан». И здесь нет места благодушию и надуманности.

Угроз нашей региональной и национальной безопасности достаточно много и их характер не изменился. Но я, как и прежде, считаю, что только миротворческая политика на основе взаимного компромисса и доверия может и дальше служить действенным и эффективным инструментом в деле укрепления того режима мира, в котором Казахстан находился все эти годы. Да будет так и впредь.

Часть I

**ИМПЕРИЯ СТРАХА И
РИТОРИКА ТЕРРОРА**

Для нас, взрослых, нет ничего удивительного в том, что маленькие дети боятся темноты и мрака ночи. Но не только потому, что мы, памятуя впечатлительность детских ощущений, и сами их немного побаиваемся.

Ибо там, где заканчивается здоровое знание, начинаются болезненное воображение и фантазия. Мы все осознали ту опасность, которые несут в себе терроризм, сепаратизм, экстремизм и нетерпимость. Чуть ли не каждый день информационные каналы сообщают факты тех или иных проявлений терроризма. Мы знаем о них, но, что удивительно, и в этом человек не может устоять перед соблазном перейти границы знания. Информационное воображение и фантазии рисуют нам даже те картины возможного проявления терроризма, которые до сих пор не укладывались у нас в голове. То, что еще не придумала действительность, домысливает наше воображение. Сценарии фильмов, сюжеты книг, тематические статьи и обзоры рисуют нам все возможные и невозможные варианты кошмаров, которые еще не были претворены в нашу жизнь – от виртуального нашествия реальных террористов до ядерного Армагеддона, рожденного маньяком-террористом. Одни сюжеты уже воплощены в жизнь, другие пока еще сняты или грезятся в страшных ночных и дневных кошмарах.

Зададим себе простой вопрос – насколько сильно и явно проявляет себя терроризм в обычной жизни? Большинство граждан ответят на этот вопрос довольно просто: практически никаким образом. У большинства людей существует гораздо большая вероятность лишиться жизни в автокатастрофе, в уличной ссоре, от болезни или в результате естественной смерти, чем от террористического акта.

Почему же человека охватывает панический страх, когда речь заходит о терроризме и возникает только легкое чувство опасения, когда ему показывают куда более мрачную статистику жертв автодорог, несмотря на то, что с автомобилями мы сталкиваемся ежедневно, а о терроре большинство фактически знает только понаслышке – из средств массовой информации? Действительно, почему?

Увы, здесь нет никакой интриги. Ответ прост и банален. Так же, как ребенка больше всего пугает неосознанный и неведомый мрак, так и нас пугает и больше всего гнетет непредсказуемая и неожиданная угроза, которая исходит от любого действия, который мы именуем террористическим актом.

Терроризм своей непредсказуемостью и неожиданностью вселяет то самое реальное чувство страха, которое охватывает буквально

но всех и практически у всех оставляет ощущение неотвратимой и фатальной угрозы. Направление и время удара с его стороны непредсказуемы и потому наиболее чувствительны.

Итак, что же такое терроризм? Кто является носителем терроризма? Каковы цели террора?

Сегодня существует невероятно много определений терроризма. Одни считают терроризм явлением социальным, другие высказывают авторитетное и прямо противоположное мнение. Тем не менее, нельзя говорить о терроризме без какой-либо попытки хоть как-то охарактеризовать или классифицировать это явление.

Терроризм базируется на идеологии применения насилия с целью реализации определенных целей и задач. Терроризм – это система действий, но не взглядов и идей, потому что он совершается не ради себя самого. Сам по себе он не представляет значительной социальной силы, однако как вид деятельности показывает заметную действенность и востребованность.

Это означает, что терроризм сопутствует идеологии постольку, поскольку идея и идеология несовершенны или порочны. Это возможно в двух случаях: когда насилие уже

лежит в основе идеологии как ее программная установка и когда идея или идеология настолько несовершенны, что достижение их целей возможно только путем насилия.

Создает предпосылку для распространения терроризма сохраняющийся взрывной потенциал идей расизма и национализма. Нет никаких сомнений в том, что любые формы национализма представляют собой благоприятную базу для распространения терроризма. Националистами терроризм может быть взят на вооружение для утверждения превосходства одной национальной группы над другой.

Национализм, как правило, является причиной усиления сепаратистских настроений. При этом субъектом распространения национализма могут быть как те этнические группы, которые желают приобрести суверенитет, так и те, кто этому препятствует.

Довольно часто в качестве причины распространения терроризма в современном мире называется *религиозный фундаментализм*. В своем истинном понимании фундаментализм означает стремление сохранить приверженность исходным принципам того или иного учения, преодоление появившихся в ходе его развития отклонений.

Нельзя не отметить, что сегодня достаточно большое распространение получили такие

понятия, как исламский экстремизм и терроризм. Хотя никакой агрессивности в самом исламе нет. Но об этом позже.

И, конечно, политический радикализм может являться еще одной основой для проявления терроризма.

Любые формы радикализации общественных настроений влияют на радикализацию методов и средств достижения цели тех или иных группировок.

В этом плане можно говорить о терроризме как следствии проявления *«правого»* и *«левого» радикализма*. Поскольку терроризм – это уже деструктивное действие и крайнее выражение политического радикализма, то его последствия мало будут различаться в зависимости от того, на каком фланге политического спектра будет располагаться та или иная партийная группировка. Можно сказать, что **политический радикализм критикует, а терроризм убивает.**

Совершенно очевидно, что каковы бы ни были геополитические причины происхождения терроризма в лице отдельных террористов или террористических групп, терроризм окончательно вышел из-под контроля мировых и региональных держав.

Иначе говоря, именно наличие и рост противоречий между государствами и группами

государств влияет на ослабление международных институтов, которые могли бы взять на себя миссию по координации работы в борьбе с терроризмом.

В современном мире все большую актуальность приобретают проблемы обеспечения глобальной и региональной безопасности. И, конечно, как проявление этой тенденции следует назвать зарождение новых структур, призванных противостоять современным угрозам существованию человеческого сообщества.

Нельзя не отметить, что собственно терроризм можно представить и как следствие возникновения вооруженных конфликтов между государствами. Так, к примеру, в современном мире терроризм может стать как следствием военного противостояния, так и наоборот.

Особенно отмечу, что вероятность террористических актов повышается в условиях слабой контролируемости миграционных потоков. Так, к примеру, под видом беженцев на мирные территории могут быть направлены экстремистские группы, целью которых является ведение подрывной деятельности. Особо острой эта проблема становится в условиях «прозрачности» границ.

Нет никакого секрета в том, что в совре-

менном мире отмечается усиление диспропорции в развитии регионов мира. Так же, как нет секрета в том, что в слаборазвитых государствах это обстоятельство во многом создает благоприятные условия для подъема социального движения.

И, несомненно, что стимулирующим фактором возникновения и распространения терроризма является именно социальная незащищенность. Совершенно очевидно, что высокий уровень безработицы, низкие доходы, отсутствие перспектив способствуют росту социальной напряженности в обществе.

На распространение терроризма влияет повышение организации террористических групп. Именно благодаря своей деятельности они могут не только оказывать определенное воздействие, локализованное в пространстве, но и пропагандировать свою деятельность. Это позволяет привлекать на свою сторону новых сторонников. Кроме того, террористические организации имеют возможность обучать своих членов навыкам ведения вооруженной борьбы. Помимо тех возможностей, которые имеются у террористических организаций, благодаря ведению информационной проработки своей деятельности, они могут привлекать сторонников при помощи материального интереса. Достаточно широко

известно, что терроризм имеет своих спонсоров.

Таким образом, следствием глобализации террористической деятельности становится формирование особых групп людей, занимающихся этим на постоянной и профессиональной основе.

В силу этого они становятся, так сказать, «узкими специалистами», ориентированными на ведение подрывной деятельности. Пополняют ряды террористов лица, участвовавшие в локальных военных конфликтах, например, в Косово, Сербии, Афганистане, Приднестровье и т.д. Уже стало очевидным, что широкие финансовые возможности террористических организаций позволяют им пополнять свои ряды наемниками-профессионалами из числа тех, кого называли и называют «солдаты удачи» или «дикие гуси».

И, конечно же, для пополнения своих средств, террористические организации стремятся подчинить себе наркобизнес, рэкет, проституцию, торговлю оружием, контрабанду, игорный бизнес и т.п. В частности, высокодоходной сферой, которую стремятся контролировать террористические организации, является торговля людьми (трафик женщин, продажа детей).

Кроме того, террористические организа-

ции имеют разветвленную банковскую инфраструктуру, с помощью которой они имеют возможность контролировать финансовые потоки, легализовывать средства, осуществлять поддержку региональных подразделений, а также других организаций. Существует еще множество других причин распространения терроризма, а также других подобных агрессивных форм ведения борьбы.

Таким образом, терроризм является следствием множества факторов и причин. Нельзя сказать, что какие-то из них являются более значимыми, другие – менее. Следует говорить об определенной комбинации, переплетении этих факторов в зависимости от региона, являющегося источником террористической активности. Вместе с тем, нельзя не отметить значимость государственно-политического и геополитического факторов в возникновении и распространении терроризма.

Существующие противоречия и конфликты между государствами способствуют повышению интереса государств к использованию фактора терроризма с целью ослабления конкурирующей стороны. От этого зависят формы и характер проявления терроризма.

Простой анализ процессов, происходящих в мире в конце 2001 и в первой половине 2002 годов, показывает, что уровень терро-

ристической активности имеет тенденцию к росту. При этом в 2002 году число террористических актов вполне может превысить показатели за последние десять лет, начиная с 1992 года. И об этом свидетельствует печальная статистика.

Ведь только за восемь месяцев 2002 года в мире было совершено 390 терактов, что на десятую часть больше, чем это было отмечено за весь 2001 год. Показатель террористической активности восьми месяцев 2002 года также превысил данные за 1992, 1994, 1996 и 1997 годы.

После трагических сентябрьских событий Соединенными Штатами Америки были предприняты беспрецедентные меры по борьбе с терроризмом. Против угрозы его распространения выступили практически все страны мира. Вместе с тем, следующий год показал, что сила терроризма настолько велика, что даже при активной мобилизации военных и дипломатических каналов, эту проблему в короткие сроки не решить. Только за восемь месяцев 2002 года от рук террористов погибло 4776 человек, что превысило показатель всего 2001 года. Это свидетельствует о неснижающемся потенциале развертывания терроризма, который в ответ на глобальные антитеррористические усилия отвечает адек-

ватным противодействием. Последние события в Индонезии резко увеличили эту страшную статистику.

Трагический мартиролог продолжила московская драма в октябре 2002 года...

Сегодня многие говорят о том, что главная причина терроризма – это бедность. Но нельзя сводить сложнейшую проблему к одной основной причине. Огромную роль играют образование, система ценностей, которых придерживаются люди.

Некоторые специалисты говорят о своего рода «культурных циклах», когда человек просто не в состоянии выйти за пределы жестких ограничений, накладываемых культурно-образовательным фактором. Миллионы людей находятся в этой ловушке, своего рода «инкубаторе» агрессии и ксенофобии.

Терроризм не является изобретением прошлого столетия. Его дыхание всегда отравляло историю человечества, но впервые именно на стыке двух тысячелетий он обрел столь грозные и масштабные черты. В чем-то терроризм напоминает старый тип войн за территорию, поскольку расширение территории влияния и создание целых анклавов нестабильности стало его отличительной чертой именно в наши дни.

Заявления о том, что корни терроризма ле-

жат в той или иной религии, не выдерживают никакой критики по той простой причине, что терроризм – это инструмент, который может использовать ту или иную идеологию. Иначе мы должны обвинить в террористических наклонностях не только ислам, но и католицизм, ибо в Северной Ирландии, например, линия раскола идет, в том числе и по религиозной линии.

Есть глубокие психологические основания терроризма. Иначе трудно объяснить массовые расстрелы школьников своих сверстников в США, причем в однородной культурной и этнической среде маленьких благополучных городков, или расстрел парламентариев в мирной Швейцарии.

Однако, если говорить обобщенно, то нельзя не видеть фундаментальной закономерности. **В основе лежит неравенство развития, которое в разных культурных системах порождает жесткую ответную реакцию, цинично используемую в наиболее агрессивной форме террористами.** Не видеть этой закономерности сегодня – значит закладывать мину замедленного действия под будущее.

* * *

Итак, современный терроризм приобрел массовый характер, имеет организованную

структуру, собственную финансовую систему и экстерриториальные штаб-квартиры, координирующие деятельность многих, на первый взгляд, совершенно разных по задачам и целям террористических организаций. И совершенно очевидно, что раз уж мы признаем международный, интернациональный характер современного терроризма и экстремизма, то мы также должны признать эффективность только и именно международной координации в борьбе с этими явлениями, представляющими угрозу для региональной и глобальной безопасности мирового сообщества.

Координация борьбы с терроризмом ведется уже достаточно давно на международном уровне и, уже можно констатировать, что в мире на сегодня накоплен существенный опыт противодействия терроризму. Из всего этого богатого опыта в то же время полезно и можно вычленить несколько основных стратегий анти-террористической борьбы мирового сообщества с террористическим Интернационалом.

Это ведение долгосрочной, силовой борьбы с терроризмом в наиболее вероятных очагах его распространения.

Это противодействие терроризму и иным негативным социальным явлениям через создание единого пространства безопасности, что достигается путем глубокой социально-

экономической, политической интеграции и построения специальных континентальных институтов безопасности.

Это создание эшелонированной системы безопасности, то есть нахождение оптимальной комбинации структур и национальных систем обеспечения безопасности, укрепление взаимосвязи и взаимозависимости между этими системами.

Это формирование устойчивых диалоговых форм между странами, где отмечается повышенная террористическая активность. Это самая сложная стратегия, и на сегодняшний день об этом, как о сформировавшемся подходе, говорить не приходится. Можно вести речь лишь о процессе формирования таких структур. В качестве прецедента можно назвать СВМДА.

Мне представляется, что наиболее эффективным институтом противодействия угрозам терроризма в глобальном масштабе на сегодняшний день является *Антитеррористическая коалиция*.

Так, на март-апрель 2002 года Соединенные Штаты получили 46 многосторонних деклараций о поддержке, в том числе со стороны ООН, НАТО, ОАГ, АНЗЮС.

17 государств направили в зону ответственности Центрального командования США

свыше 16500 военнослужащих. 136 стран в той или иной форме предложили военную помощь. 142 государства издали Указы и законы о замораживании активов организаций, подозреваемых в поддержке террористов. 190 стран выразили готовность это сделать. Начиная с 11 сентября, было арестовано почти 1000 агентов «Аль-Каиды» более чем в 60 странах.

Военная тактика Антитеррористической коалиции сводится к тому, что, к примеру, при осуществлении операции в Афганистане силы коалиции сделали ставку на проведение точечных ракетно-бомбовых ударов по базам террористов. Здесь нетрудно заметить, что основная тактика американцев заключалась в том, чтобы избежать длительной и глубокой военной кампании. Ставка делалась исключительно на проведение тщательно спланированных кратковременных наступательных операций.

Военные силы НАТО, как и следовало ожидать, стали боевым ядром Антитеррористической коалиции. Так, атаки террористов 11 сентября 2001 года были расценены как военное нападение в целом на альянс.

Впервые в истории была сделана ссылка на статью 5 положения о коллективной безопасности Договора 1949 года, согласно которому нападение на одного из членов НАТО

обязывает участников альянса предпринять меры против страны-агрессора.

Реальное участие выражается в развертывании 7 систем контроля ПВО НАТО, военно-морской группировки НАТО в Восточном Средиземноморье и участии союзников и партнеров НАТО в военных действиях против талибов, а также их вкладе в восстановление хозяйства и безопасности в Афганистане.

Резолюцией Совета Безопасности проведение силами возглавляемой США Антитеррористической коалиции военной акции в Афганистане было расценено как соответствующее Уставу ООН. Согласно статье 51 этого документа, каждое государство имеет право на индивидуальную или коллективную оборону, если произойдет вооруженное нападение на члена ООН.

В промежутке между сентябрем и ноябрем 2001 года Совет Безопасности ООН принял еще две резолюции, уточнившие некоторые направления антитеррористической политики ООН.

Согласно одной из них, от 28 сентября 2001 года, ООН обязало государства принять все возможные меры, направленные на пресечение финансовых источников для совершения террористических актов, или ведения любых видов деятельности, способствующих

этому. Для осуществления контроля со стороны СБ ООН за ходом осуществления данной резолюции был учрежден специальный контртеррористический комитет.

В настоящее время идет подготовка к принятию Конвенции о борьбе с ядерным терроризмом.

Нельзя не заметить, что ОБСЕ сегодня рассматривает в качестве приоритетного направления необходимость продолжения борьбы с терроризмом через углубление сотрудничества международных и региональных организаций.

Так, например, одним из результатов стала договоренность о создании неформального форума для проведения регулярной координации такого сотрудничества. Уже на конец 2002 года ОБСЕ в качестве перспективы запланировало принятие *Хартии борьбы с терроризмом*.

Итак, есть все основания констатировать, что опыт становления ОБСЕ как структуры, способствующей обеспечению континентальной безопасности, является сегодня очень актуальным в силу оформления подобного института в рамках Азиатского региона.

Значимость Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, первый саммит которого прошел в июне 2002 года в на-

шей южной столице, Алматы, заключается в том, что самим фактом своего организационного оформления показывает, что регион требует к себе повышенного внимания.

Мне приятно отметить, что первый саммит СВМДА, проведенный в Казахстане, стал значительным прорывом в деле построения эффективной системы противодействия терроризму на Азиатском континенте. И особое значение он приобрел еще в силу международного контекста.

В первую очередь, саммит СВМДА, если говорить на языке символики, стал актом формирования евразийской коалиции против терроризма. Азиатские страны, уже на таком высоком уровне доверия, вновь подтвердили свою приверженность принципам борьбы с терроризмом. Так, в итоговом документе саммита – Алматинском акте – говорится, что государства-члены СВМДА безусловно и однозначно осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях, а также осуждают его поддержку или молчаливое признание, равно как и неспособность прямо осудить терроризм.

Согласно принятого заключительного акта Алматинского саммита, борьба с терроризмом должна стать по своему характеру и уровню глобальной, всесторонней и последовательной, а не избирательной и дискримина-

ционной. Отрадно, что в этой связи была выражена поддержка разработки Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму.

Немаловажно отметить в этой связи и другие позитивные результаты. Так, саммит СВМДА был проведен во время резкого обострения ситуации в Южной Азии из-за напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном и, как многие успели отметить, уже после Алматинской встречи президент Пакистана и премьер-министр Индии значительно снизили «воинственность своей риторики».

Но было бы недостаточно сказать, что рассмотрение международных усилий по борьбе с терроризмом было бы полным и самодостаточным без усилий и принимаемых антитеррористических мер на региональном уровне. Здесь совершенно необходимо отметить деятельность Содружества Независимых Государств, Шанхайской Организации сотрудничества и Организации Договора коллективной безопасности. Несмотря на то, что каждая из этих организаций, в которых Казахстан принимает непосредственное участие, в настоящее время еще не стала в полной мере международным институтом и они воспринимаются как организации, содействующие региональной консолидации, в то же время на се-

годняшний день ими предприняты значительные и конкретные шаги по усилению антитеррористического статуса этих структур.

В частности, проблема терроризма стала одним из основных направлений сотрудничества стран СНГ. Недавно, в июне 2000 года, на московском саммите лидерами стран Содружества была утверждена Программа государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года, а также принято Решение о создании Антитеррористического центра.

Антитеррористический центр СНГ призван стать реально действующим антитеррористическим институтом в рамках Содружества. В настоящее время он в большей степени сконцентрирован на выполнении аналитических задач. Организационно-практическая составляющая центра еще не приобрела должной системности, хотя под его эгидой и проводятся конкретные мероприятия.

Продвинуть вперед деятельность стран Содружества по борьбе с терроризмом должно принятие «Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников СНГ». АТЦ СНГ разработал проект этого документа и сейчас он про-

рабатывается в государствах-участниках СНГ на уровне экспертов.

Что касается Шанхайской Организации сотрудничества, то нельзя не заметить, что наблюдается довольно скептическое отношение к перспективам ШОС после подавления талибов в Афганистане силами США и их союзников по НАТО и Антитеррористической коалиции. Но, тем не менее, июньская встреча 2002 года в Санкт-Петербурге несколько поубавила пессимизм относительно будущего ШОС. Замечу, что послом Индии в России незадолго до этого саммита была высказана мысль о перспективности вхождения этой страны в ШОС. Нет оснований сомневаться в том, что в случае, если это произойдет и Индия войдет в число участников этой организации, ШОС может стать мощнейшей структурой безопасности на Евразийском континенте. В немалой степени, это будет обозначать продвижение ШОС на Юго-Восток Азии, где очень перспективным видится налаживание взаимодействия со странами АСЕАН.

В целом, как мне представляется, укрепление ШОС может создать предпосылки для повышения интереса к организации, как среди мусульманских, так и среди немусульманских стран региона.

Итак, я счел необходимым провести этот

подробный и основательный экскурс в хронологию и современную структуру международной и региональной системы безопасности только с одной, но очень важной целью: подчеркнуть, что эффективная и основательная борьба с локальным, региональным и интернациональным терроризмом, экстремизмом и фундаментализмом может вестись только на международном уровне взаимной координации и согласованных действий.

Только в этом случае мы можем говорить о прагматизме антитеррористической борьбы. В любом другом случае вся борьба с терроризмом в одиночку или несогласованно будет больше напоминать эфемерную картину, где символом антитеррора служит Дон Кихот, а международный терроризм выступает в роли непоколебимой и неприступной мельницы.

* * *

Выражаясь современным языком, в основе практически многих известных событий древности и более поздних веков лежат акты, связанные с политическим терроризмом или конфессиональным экстремизмом. История Великого Рима – сплошь и рядом хроника политического терроризма, основанного на умеренных притязаниях патрициев и личных амбициях консулов.

Походы Александра Великого начались с террористического акта – убийства Филиппа, царя Македонии в старинном Эги. В 1914 году великосербские террористы Габрилович и Принцип застрелили эрцгерцога Франца Фердинанда, положив начало Первой Мировой войне. Одним словом, все – от традиционного цареубийства и кончая обыкновенным пиратством и конкистадорством, греческими полисами, Великим Римом, азиатскими империями, завоеванием континентов и территорий, – везде начало и конец сопровождались вспышками или отдельными случаями терроризма и экстремизма...

Как видите, когда человек старается быть оригинальным, он перестает замечать, что пользуется при этом более чем стандартными методами. Примерно то же самое происходит, когда к освещению той или иной темы многие желают подойти достаточно оригинально и при этом, не замечая этого, ударяются в извечный и рутинный способ изложения, поддаваясь искушению того, что мы называем историзмом. Так, некоторые исследователи, которые пишут, скажем, о терроризме на территории Центральной Азии, чтобы показать свою ученость, напоминают, что он, мол, имеет глубокие истоки и берет свое начало с... Великого Шелкового пути. Тогда,

мол, на территории Центральной Азии действовали группы вооруженных людей, которые нападали на караваны, идущие по торговым утоптаным магистралям, разоряли караван-сарай, аулы мирных номадов. В общем, всячески *терроризировали* местных жителей и торгующих путников.

Одним словом, картина получается примерно такая: мы, Центральная Азия, тоже «не лыком шиты» и у нас тоже существуют глубокие и давние традиции терроризма и его длительная и богатая история.

Ну что же, я не могу сказать достаточно определенно, насколько наш регион, скажем так, «подкован» в этом отношении. Во всяком случае, действительно, из многовековой истории Центральной Азии можно привести массу исторических примеров, которые являются если не предтечей, то, по крайней, вполне самостоятельными фактами терроризма и экстремизма.

Тем не менее, мне все же представляется, что навешивать на такое явление как терроризм исторические ожерелья и, тем более, украшать его известной долей традиционализма дело бессмысленное и неблагодарное.

Так или иначе, темные стороны истории не чужды самым различным вариантам интерпретации, но факт остается фактом: необходи-

мо признать и констатировать, что сегодня Центральноазиатский регион представляет собой территорию с высоким террористическим потенциалом. И, так или иначе, проявления экстремизма и терроризма затрагивали все республики региона в течение всего периода их становления как независимых и суверенных государств.

Причем этот потенциал формируется не вследствие действия какой-либо отдельной причины и одного фактора, а целого набора проблем, каждый из которых вносит свой негативный вклад в общий террористический потенциал региона. Эти проблемы известны и многие из них, так или иначе, входят в тот объем информации, который мы ежедневно получаем из самых разных источников: наличие крайне нестабильного регионального окружения (Афганистан, Кашмир, Северный Кавказ); прозрачность границ; распространение наркобизнеса; фактор распространения религиозного экстремизма; противоречивые интересы ведущих держав и, наконец, наличие межгосударственных противоречий.

Эти, во многом нерешенные, проблемы привели к появлению на территории Центральной Азии, по крайней мере, трех организаций, которые с полным основанием можно назвать террористическими или экстремистскими.

Первая из них – Исламское движение Узбекистана, которое ставит перед собой цель свержение правящего режима в Узбекистане и установление религиозной формы государственности. Две других организации являются следствием сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Это «Международный Комитет Освобождения Восточного Туркестана» и Организация «За освобождение Уйгурстана». Проявления двух последних организаций отмечены и на нашей, казахстанской, территории.

Наиболее активно на территории Центральной Азии действует Исламское движение Узбекистана (ИДУ), которое предпринимает постоянные попытки по дестабилизации политической ситуации в Узбекистане и даже предприняло попытку покушения на законного президента страны. Поражение режима «Талибан» в Кабуле, на стороне которого воевали боевики ИДУ, все-таки не дает нам повод говорить, что Исламское движение Узбекистана полностью разгромлено. Более того, есть основания полагать, что это движение, впрочем, как и другие экстремистские организации, постепенно восстанавливает свои военизированные структуры и систему руководства. По некоторым данным, уже сейчас проводится активная военная подготовка бо-

евиков в труднодоступных горных районах, в которой участвуют боевики многих организаций, потерпевших неудачу во время антитеррористической кампании.

Необходимо отметить еще одну, далеко не тривиальную угрозу терроризма для так называемых транзитных стран, в частности, для государств Центральной Азии.

В отличие от стран с устоявшейся политической системой, обладающих высоким запасом прочности, транзитные государства менее устойчивы против политического террора.

Покушение на глав государств, единичные успешные теракты способны резко дестабилизировать все общество. В этом особая опасность терроризма в Центральной Азии.

С другой стороны, терроризм в регионе связан с попытками нарушения территориальной целостности государств. Касается ли это идеи создания единого халифата или этнического сепаратизма.

Поэтому в Центральной Азии, помимо общих угроз, необходимо четко видеть и наличие этих весьма тревожных проявлений терроризма.

Если говорить отдельно о Казахстане, то относительно центральноазиатских республик мы имеем ряд преимуществ перед лицом терроризма. Одним из них является то, что республики Центральноазиатского региона

как бы закрывают собой Казахстан от зон высокого террористического напряжения в Южной Азии, которая традиционно считается поставщиком идей и исполнителей экстремизма и терроризма.

Кроме того, потенциал стабильности, который до сих пор не дал повода для реального и фактического проявления экстремизма и терроризма, в Казахстане также служит своеобразным щитом на пути сохранения существующего статуса-кво. И, наконец, широкий спектр казахстанского конфессионализма и состояния межнационального согласия в силу ряда причин служит определенным барьером на пути распространения религиозного экстремизма и сепаратизма. В этом смысле срабатывает ситуация, которая получила реальное воплощение в формуле «единство в многообразии».

Однако проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма в Казахстане существуют. И угрозы с их стороны носят отнюдь не гипотетический характер, а вполне конкретный и реальный, особенно, имея в виду определенную глобализацию международного терроризма, порожденного взаимосвязанностью политических, социальных и экономических проблем регионов и международного сообщества в целом.

По крайней мере, известен ряд случаев, когда на территории Казахстана проявили себя отдельные члены небезызвестных организаций сепаратистского толка – «Международного Комитета Освобождения Восточного Туркестана» и Организации «За освобождение Уйгурстана». Напомню, что от деятельности уйгурских сепаратистов пострадали и были убиты несколько наших казахстанских граждан.

В результате антикриминальной операции, преступники, которые являлись членами Организации «За освобождение Уйгурстана», были ликвидированы. Этот случай не является типичным, но в том, что члены этих экстремистских организаций пытаются внедриться на территорию Казахстана, сомнений не вызывает.

На территории Казахстана, как показывает достаточно стабильная ситуация, нет откровенно сепаратистских движений и организаций, которые могут реально угрожать территориальной целостности нашего государства или межнациональному согласию в обществе. Однако, безусловно, существуют экспортные варианты идеологии сепаратизма, которые могут самым непредсказуемым образом проявить себя в случае возникновения каких-либо внутривнутриполитических и соци-

альных проблем иного характера. Безусловно, ни одно сопредельное государство не подвергает сомнению территориальную целостность Казахстана, но, вместе с тем, невозможно просто так отмахнуться от той реальной угрозы, которую несут в себе всякие идеи сепаратизма. От кого бы они ни исходили – от отдельных людей или организованных экстремистских группировок. Может так случиться, что если сегодня они и не проявляют особой активности в этих вопросах, ограничиваясь громогласными заявлениями и убогими декларациями, но не стоит сомневаться в том, что завтра ситуация может коренным образом измениться в сторону практического воплощения деструктивных идей.

Так или иначе, не приходится сомневаться в том, что любые формы политизации этничности, даже если это выражается лишь на уровне символов, в реалиях Казахстана несут в себе мощный экстремистский потенциал. И при этом совсем не обязательно той или иной партии или движению ставить перед собой задачи, сопряженные с применением насилия.

Система очевидных и опосредованных угроз для национальной и государственной безопасности Казахстана в лице экстремизма, наркобизнеса, геополитического влияния, международного терроризма и сепаратизма

заставляет нас воспринимать их в качестве «категорического императива» для перспективной стратегии и тактики дальнейшего развития Казахстана как суверенного и независимого субъекта международных отношений.

Необходимо констатировать, что принятие упреждающих мер против угрозы терроризма на сегодняшний день представляет одно из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности Республики Казахстан. Несмотря на то, что конкретных проявлений террористической деятельности на территории республики не отмечается, это обстоятельство отнюдь не исключает наличия факторов, способных вызвать использование некоторыми группами методов терроризма.

Разумеется, что дожидаться, пока терроризм и его практические проявления постараются найти свою нишу на территории Казахстана, по меньшей мере, абсурдно. Превентивность действий должна найти воплощение в адекватных мерах реагирования на возникающие точки социальных конфликтов, которые способны привести к возникновению терроризма и его распространению в Казахстане.

Соблюдение межконфессионального паритета и мер по недопущению дестабилизации отношений между этническими группами является главным залогом для того, чтобы

избежать проявлений терроризма и экстремизма, основой которых потенциально может стать всякий этнонационализм, в какую бы оболочку последний ни рядился.

Поэтому и в новом варианте «Закона о политических партиях» полностью исключена возможность образования политических партий на этнической и религиозной основах.

Наряду с этим, сегодня отмечается проникновение на сопредельные территории центральноазиатских республик некоторых религиозно-экстремистских и радикальных политических элементов, призывающих к свержению существующей власти, установлению архаичных режимов, или автономизации некоторых районов страны.

Определенная часть религиозных общин подпадает под влияние миссионеров из зарубежных исламских центров, несущих идеи религиозной нетерпимости. Особенно это чувствуется в южных регионах нашей страны. Так, на территории Южно-Казахстанской и Жамбылской областей зафиксирована агитационная деятельность зарубежного радикального движения «Таблиги Джамаат», создавшего подпольную сеть ячеек. Активизируется также и организация «Хизб-ут-Тахрир».

Разумеется, в целях противодействия импорту экстремизма в Казахстан, возникает

крайняя и насущная необходимость правового регулирования миссионерской деятельности зарубежных религиозных проповедников. Особенно это касается более четкой и грамотно поставленной работы по проведению компетентной экспертизы религиозной литературы, особенно той, которая касается неклассических интерпретаций и толкований Корана и Шариата.

С самых первых дней своей независимости и становления государственности Республика Казахстан является не просто участником интеграционных процессов, но и выступает как один из главных инициаторов объединения стран в целях обеспечения безопасности и стабильности. Казахстан является инициатором создания Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и играет ключевую роль в процессе построения Шанхайской Организации сотрудничества.

Казахстанской стороной проведена работа по совершенствованию Договора о коллективной безопасности (ДКБ), превращению ДКБ в действенный механизм многостороннего сотрудничества в сфере безопасности. В настоящее время, кроме активной позиции в других структурных объединениях, Казахстан активно поддерживает принимаемые меры Антитеррористической коалиции.

Так, в соответствии с положениями «Государственной программы борьбы с терроризмом и иными проявлениями экстремизма и сепаратизма в Республике Казахстан на 2000–2003 годы» Казахстаном проводится работа по взаимодействию со странами ближнего и дальнего зарубежья по линии борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, принятие совместных превентивных мер.

Среди них, в частности, можно отметить проведение в апреле 2002 года в г. Алматы под эгидой Антитеррористического центра СНГ второго этапа комплексного оперативно-тактического учения «Юг-антитеррор–2002».

В мае 2002 года в г. Астане проведено заседание «Бишкекской группы» Шанхайской организации сотрудничества, в ходе которого согласован проект о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС.

В июне 2002 года в г. Атырау проведено полномасштабное учение «Дабыл» по пресечению актов воздушного терроризма, а в августе прошли совместные казахстанско-американские учения «Баланс-Барс» в Капшагае. К этому можно добавить широкомасштабные военные учения на Каспии «Море мира–2002», которые проводились в Мангистауской области совместно казахстанскими и российскими военными.

В Республике Казахстан 13 июля 1999 г. был принят Закон «О борьбе с терроризмом», который определил правовые и организационные основы противодействия возникновению терроризма в Республике Казахстан.

Помимо специального закона механизм противодействия возникновению терроризма на территории Казахстана опирается также на другие законы. В частности, это Уголовный Кодекс.

В феврале 2002 года были приняты изменения и дополнения в Уголовный Кодекс страны, согласно которым была усилена ответственность за совершение террористических актов и ведение такой деятельности.

Сегодня стоит вопрос о продолжении работы по принятию необходимых нормативно-правовых актов на случай возникновения чрезвычайных и иных угрожающих безопасности страны ситуаций.

Несомненно, что серьезную угрозу для развития современных обществ представляет распространение наркомании и наркобизнес, являющихся одним из финансовых источников терроризма.

Сегодня Казахстан представляет собой в большей мере территорию транзита, чем производства наркотиков.

По данным Министерства здравоохране-

ния Казахстана, показатель заболеваемости среди населения наркологическими расстройствами в 2002 году составил 334,6 человек на 100000 населения. Тенденция роста может продолжиться в силу того, что сегодня отмечается снижение стоимости некоторых видов наркотиков, что сказывается на их доступности для более широкого круга потребителей. В этой связи нетрудно констатировать, что уже сегодня требуется принятие экстренных мер воздействия.

С целью ограничения каналов нелегальной миграции, контрабанды наркотиков и товаров временно приостановлено оформление виз на учебу в Казахстане граждан из стран так называемой «группы риска».

Одновременно были приняты меры по упорядочению международного обмена студентами, учащимися и преподавателями учебными заведениями страны.

Выявляются отдельные факты проникновения на территорию республики под видом мигрантов и беженцев с Северного Кавказа уголовных преступников, членов террористических и экстремистских формирований, находящихся в межгосударственном розыске.

Большое значение в плане стабилизации ситуации в приграничье имеет процесс дели-

митации государственной границы Казахстана с соседними странами.

В 2002 году почти полностью завершены процессы делимитации границ Казахстана и сопредельных государств. Реализованы мероприятия по оперативному прикрытию государственной границы. Так, на южном участке границы развернуты дополнительные части и подразделения Пограничной службы КНБ, два погранотряда, выставлены более десятка новых контрольно-пропускных пунктов, а также дополнительные блокпосты. В настоящее время ведется строительство 30 новых таможенных пунктов в Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской и Мангистауской областях.

Кроме того, предполагается организовать регулярные воздушные облеты труднодоступных мест в приграничных районах в целях выявления групп экстремистов и боевиков, прибывающих из зон вооруженных конфликтов, а также баз хранения ими оружия и боеприпасов.

Приняты дополнительные меры по усилению охраны границы по всему периметру территории государства и, особенно, на южных рубежах страны.

В свое время, когда существовала реальная опасность, связанная с действиями бо-

евиков в Кыргызстане и Узбекистане, особое внимание было уделено укреплению южных границ страны.

Так, с этой целью был создан Южный военный округ, сформированы еще три военных округа по основным региональным направлениям: Западный, Восточный и Центральный.

Согласно Плана мероприятий по реализации Стратегии национальной безопасности в период с 2002 по 2005 годы, на постоянной основе будут проводиться совместные тактические учения Пограничной службы КНБ, подразделений Министерства обороны и внутренних войск МВД для отработки взаимодействия в условиях горной и пустынной местности приграничных регионов в целях противодействия международному терроризму и религиозному экстремизму.

Таким образом, государственными органами уделяется значительное внимание проблемам терроризма и решению причин, его вызывающих.

Вместе с тем существует потребность в продолжении этой работы и преодолении формального подхода в исполнении антитеррористических мероприятий. Судя по развитию ситуации в основных эпицентрах терроризма и экстремизма в мире, сегодня прихо-

дится говорить о повышении уровня террористической активности.

Добавлю к этому, что до сих пор остается нестабильной ситуация в Афганистане, на индо-пакистанской границе, далек от своего урегулирования ближневосточный конфликт, сложными следует назвать процессы, проходящие на Северном Кавказе. Вызывает озабоченность активизация религиозно-экстремистских элементов в центральноазиатских республиках. По сути, необходимо признать, что Казахстан сегодня окружен *зонами конфликтов*. В ближайшей перспективе следует продолжать движение по пути формирования действенных институтов борьбы с терроризмом, как посредством внешнеполитических усилий, так и мобилизацией внутренних ресурсов.

На сегодняшний день можно сказать достаточно определенно, что в Казахстане выработан целый комплекс мер противодействия терроризму.

Вместе с тем мы испытываем острую потребность в постоянном мониторинге и анализе прочности каждого из элементов анти-террористической системы страны. На настоящий момент очаги высокой террористической активности в мире находятся в относительной близости от Казахстана, а потому воз-

никновение терроризма непосредственно на территории страны не может быть исключено.

Итак, какие же меры и конкретные действия мы должны осуществить, чтобы не только укрепить, но и в какой-то степени гарантировать сохранение сложившейся системы безопасности Казахстана?

Если на законодательном уровне не будут четко прописаны понятия «экстремизма» и меры наказания за использование методов экстремизма, государство будет оставаться бессильным перед явлением, которое непосредственно служит предпосылкой для возникновения терроризма.

* * *

Большую озабоченность вызывают на сегодняшний день рост наркозависимости в обществе, наличие устойчивых каналов транспортировки наркотиков через страну, непрекращающийся поток нелегальных мигрантов, что является следствием слабого пограничного контроля на южном, юго-восточном и юго-западном направлениях. Развитие пограничного контроля в последние годы получает мощную финансовую и организационную поддержку. Государство выделяет колоссальные средства не только на создание системы физического контроля границы, но и

на современные информационные системы контроля.

Распространение наркомании и наркобизнеса представляет собой сегодня один из самых серьезнейших вызовов безопасности страны. Казахстан является в большей степени транзитной территорией для наркоторговли. Производство и сбыт наркотиков являются одним из главных источников финансирования террористических организаций. В этой связи существует опасность, что наряду с наркотиками через территорию страны может осуществляться транзит терроризма. И то, и другое чревато для республики сползанием в анархию, разрушением всех имеющихся социально-экономических достижений. В ближайшие годы борьба с наркоманией станет одним из серьезных приоритетов для всех государственных органов.

* * *

Миграционная политика должна опираться на первоочередное соблюдение интересов наших собственных граждан. Сегодня во всем мире происходит серьезное переосмысление направлений миграционной политики. Защита национального рынка труда, экономических интересов наших граждан и соблюдение

общих гуманитарных норм – это отнюдь не тривиальная задача на фоне расширяющейся внешней трудовой и экономической миграции в ряде пограничных областей.

Важным приоритетом будет являться инициирование и активное участие Казахстана в структурах безопасности и интеграционных процессах, как в ближайшем регионе, так и в более широком плане. Речь идет о создании системы противодействия терроризму и другим угрозам безопасности на Евразийском континенте. Антитеррористический центр СНГ, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская Организация сотрудничества представляют собой звенья эшелонированной системы безопасности в данном регионе. Мы изучаем возможность создания консолидированных структур безопасности в рамках Каспийского региона.

Следует отметить, что угроза экспорта терроризма в Казахстан, несмотря на принимаемые меры, сегодня становится все более реальной. Главным образом это связано с оформлением устойчивых очагов нестабильности в ареалах, которые непосредственно прилегают к Центральноазиатскому региону и конкретно к Казахстану.

Сегодня никто не может дать гарантий, что система безопасности страны в ближайшей

перспективе не может быть испытана на прочность.

Казахстан однозначно находится сегодня в выигрышной ситуации, так как у нас есть время тщательно проанализировать тенденции, связанные с распространением терроризма в мире, а также опыт противодействия этому явлению. Вместе с тем, существенный уровень террористической активности в регионах, находящихся в относительной близости от Казахстана, заставляет держать систему безопасности в состоянии повышенной готовности.

Часть II

**В РЕЛИГИИ
ЭКСТРЕМИЗМА НЕТ**

Сегодня, когда объем доступной информации явно превышает все те пределы, за которыми человек может их обработать и осмыслить, возникают новые опасности: критическое мышление испытывает явный дефицит и многим людям гораздо удобнее и привычнее мыслить штампами. Дерзновенное и нестандартное мышление отдельного индивидуума мало-помалу уступает пальму первенства так называемому массовому мышлению, мышлению, которому целые сообщества людей подчиняют весь свой стиль жизни и мотивацию своих поступков достаточно ограниченному набору штампов и лозунгов. Несомненно, так легче жить – подчинить свою слабость некоей идее, которая кажется сильной из-за своей простоты и доступности. Сегодня человек, конечно, гораздо более образован, чем наши предки, но в то же время он и гораздо более инертен, впечатлителен и склонен к мышлению штампами и лозунгами.

Особенно это характерно для тех случаев, когда мы наблюдаем полное искажение понятий, которые приводят или могут привести к весьма непредсказуемым последствиям для всего человечества. Так, например, существует целая система доказательств и солидная теоретическая база, пропагандируемая отдельными политологами, что в мире существу-

ет или находится на стадии становления так называемое «столкновение цивилизаций» или «война миров» Мол, в силу ряда исторических предпосылок и современных тенденций агрессивное противостояние между основными религиями (например, между христианством и исламом), столь же неизбежно, как неизбежны восход Солнца или изменения фазы Луны.

Но в то же время существует не менее убедительная система доказательств и набор теоретических воззрений, которые вовсе не считают войну цивилизаций неким фатальным явлением или даже считают его некоей несуразной конструкцией, ничего общего не имеющей с действительностью или с будущим.

Заметим только – имеют эти позиции право на существование или нет, полностью зависит от тех задач, которые мы себе ставим. Если в силу каких-то, достаточно отвлеченных причин, нам выгодно считать, что столкновение цивилизаций неизбежно и это принесет определенные дивиденды желающим, то достаточно легко сформировать такое же, но уже массовое, мнение у большинства граждан, уповая на приоритет демократического волеизъявления перед справедливостью.

Относительно недавно в ходу были достаточно корректные формулировки, которые выражались в виде «исламского радикализ-

ма». Именно такие формулировки давали основание достаточно точно отделять само учение, миролюбивый ислам от тех его апологетов, которые всячески искажали и извращали это великое направление духовной мысли и человеческой веры.

Но в последнее время формулировки, пытающиеся определить смысл тех или иных явлений, совершенно изменились и приобрели абсолютно новую окраску. В современных средствах массовой информации и даже в публичных заявлениях отдельных политиков все чаще и настойчивее мелькает понятие, имеющее новый смысл – это так называемая «исламская угроза».

Совершенно очевидно, что в прямом смысле этого словосочетания содержится совершенно новое содержание и некий поистине глобальный смысл. Теперь, видите ли, речь идет не об отдельных случаях религиозного экстремизма, сепаратизма или терроризма, а о том, что угроза исходит непосредственно от самого ислама как религиозного течения.

Угроза не от отдельного религиозного фанатика или группы экстремистов, а от целого духовного течения, которое исповедуют более миллиарда граждан многих стран в Азии, Европе, Африке, Северной Америке и

на других континентах. Подмена понятий произошла, и в новое понятие заложен совершенно страшный и угрожающий смысл с самыми непредсказуемыми последствиями.

Легкость в употреблении такого понятия как «исламская угроза» приобрела столь угрожающие масштабы, что впору говорить не о мифической угрозе со стороны ислама, а о необходимости реальной защиты самого ислама..

Ведь полезно все-таки напомнить, что религия для всех народов – это не средство или мотив для завоевания, это средство и мотив для выживания. В тех случаях, когда идея государственности или национального единства испытывает кризис в силу ряда причин, на арену общественной или политической жизни страны выходит религия как сплывающая всех духовная идея. Во многих случаях именно общность веры позволяет народу выстоять на нелегких исторических перекрестках своей судьбы. Но бывает и так, что в условиях подавления и незначительной роли государства, первенство религии во всех сферах жизни принимает не только гротескные, но и угрожающие формы и становится угрозой не только для отдельной личности и народа, но и для других народов, а иногда и для всего чело-

вечества. Так было, например, с так называемыми «крестовыми походами» христианства, с «джихадами» ряда мусульманских стран и прочими проявлениями неумеренной агрессивности на квазирелигиозной почве.

Но совершенно очевидно, что эти агрессивные умонастроения, выраженные в конкретной форме, ничего общего не имели и не имеют с миротворческим потенциалом каждой религии, основанной на идее гуманизма и добра.

Другое дело, что имеет место искажение отдельных постулатов ислама и попытки его переосмысления в угоду тем или иным агрессивным интересам или политической позиции.

Ислам, как и другие мировые религии, не ограничивается только религиозной сферой, включающей теологическое учение и сакральные элементы. Ислам – это цельная система, которая регламентирует и устанавливает не только кодекс поведения и образ жизни, но и систему моральных ценностей и психологических установок.

Ислам монотеичен, что подразумевает единство и единоначалие Бога. В основе мусульманской конструкции мироздания лежит единственный Бог – создатель мира и такая форма единобожия присуща и всем осталь-

ным основным конфессиям мира. Догмат большинства современных религий о единобожии лежит не только в положении о единственно правильной вере, но и в определенной степени влияет на отношение к другим религиям в форме прямого или косвенного неприятия других начал единобожия. Это касается и христианства.

В основе одного из видов нетерпимости к другим религиям лежит так называемый религиозный фундаментализм. И здесь я должен заметить, что само понятие «фундаментализм» имеет такое же отношение к искажению ислама, как и к искажению христианства или иудаизма.

Даже само происхождение слова «фундаментализм» в том смысле, в каком мы сейчас его понимаем, отнюдь не имело отношения к исламу.

Фундаменталистами в 20-е годы XX века впервые стали называть представителей ряда христианских общин, таких, как кальвинисты, пресвитериане и баптисты.

Эти группы в свое время активно призывали к возвращению христианской религии к своим изначальным (фундаментальным, базовым) истокам на принципах религиозно-цивилизационного единства и неискаженных канонів первосвященников.

Христианские общины, исповедующие фундаментализм, фанатично и буквально толковали и следовали всем канонам Священного писания и выступали за выведение религиозно-политических принципов из вечного текста Евангелия. Здесь мы должны заметить, что в основе такого понятия как «фундаментализм» лежит искреннее желание его апологетов внести идеалы нравственности, лежащие в основе религиозных первоисточников, во все сферы современной человеческой жизни. Именно нравственные каноны, которые лежат в основе таких источников, как Ветхий Завет, Коран или что-то другое, должны полностью властвовать над нами ежечасно и еженежно. С тем, что сам дух каждой религии носит на себе печать светлых и высокоморальных идеалов, невозможно не согласиться. Но, к сожалению, требование неукоснительного соблюдения религиозных принципов в повседневной жизни возводится сторонниками религиозного фундаментализма в ранг категорического императива и требует распространения на все слои гражданского общества, что, разумеется, не удовлетворяет принципам политического плюрализма. Более того, к сожалению, так называемые фундаменталисты проводят или стараются проводить свои установки в достаточно жесткой манере, порой

доходящих до откровенно агрессивных форм достижения цели.

Конечно, мы должны осознавать, что требования приоритета религиозных начал в полном соответствии с конфессиональными первоисточниками не могут быть приняты в демократическом, светском, гражданском обществе. И тем более, неприемлемы формы и методы, которые выбирают фундаменталисты для их реализации.

Если учесть, что фундаментализм присущ каждой религии, то мы должны сознавать, что опасность фундаментализма как антиобщественного явления представляет собой угрозу для каждого общества независимо от его конфессиональной принадлежности.

И в этом смысле заострять внимание или говорить об особой опасности именно мусульманского фундаментализма, вряд ли есть смысл и основания. Особенно, если иметь в виду, что в современном мире фундаменталистские течения проявляют себя во всех частях света – в США, в Европе, в Юго-Восточной и Центральной Азии, в Северной Африке и на Ближнем Востоке и почти во всех мировых религиях. Разнообразие религиозных организаций, строящих свою деятельность на принципах фундаментализма, позволяет сказать, что активное обращение к религиозно-

цивилизационному единству как источнику самоидентификации является одной из важнейших глобальных тенденций общественного развития.

В этом отношении мне хотелось бы заметить, что в этих тенденциях не всегда необходимо разглядывать только деструктивную для гражданского общества тенденцию – ведь никто не может отнять у верующего его естественного и морального права следовать изначальным канонам веры без ущерба для юридических норм и гражданских правил.

Так же как никто не может усомниться в том, что любое светское государство имеет полное право строить и формировать общественные отношения и социальную жизнь на других, не конфессиональных постулатах, не ущемляя личное право гражданина на свободу совести.

Но совершенно другое дело, когда апологеты фундаментализма пытаются распространить свои воззрения на все общество. И в тех случаях, когда общество не приемлет модернизации своей жизни исключительно на догматах той или иной веры, возникает ситуация, для которой характерно противостояние радикальных по своей сути религиозных течений и гражданского общества в целом. Тем

не менее, довольно часто возникают ситуации, когда распространяемые и пропагандируемые идеи фундаментализма находят свою благодатную почву среди отдельных слоев общества.

Сегодня, в эпоху глобализации, человечество во всем своем разнообразии находится на стадии необратимого пересечения всех сфер жизни – экономической, политической, культурной и духовной. Этот процесс невольной интеграции носит фактически необратимый и, по существу, фатальный характер – одни общества и хотели бы отгородиться, но не имеют возможности этого сделать, другие общества в силу своего развития не испытывают каких-либо существенных препятствий для своей программы глобалистской экспансии.

Неодолимая тяга к цивилизационному и техническому развитию охватывает все больше и больше стран, с все большей скоростью раскручивая маховик глобализации. Расширяя сферу экономического и политического влияния и увеличивая число потенциальных рынков сбыта, развитые страны ясно и четко представляют себе все преимущества глобализационных процессов, призванных не только сохранить, но и дальше беспрепятственно повышать благосостояние своих граждан.

Но при этом процесс глобализации выполняет и параллельную задачу – распространение унифицированной культуры потребления и внедрение массовых стандартов среди потенциальных потребителей других стран. Мало освоить новый рынок сбыта, полученный как следствие глобальной интеграции, необходимо приучить нового потребителя к лояльности по отношению к новому влиянию.

Хотя приобщение к новой технологической культуре и единым стандартам общества потребления не должно неизбежно приводить к потере национальной самобытности и культуры. Со второй половины двадцатого века многие футурологи говорят о серьезных проблемах западной «культуры потребления». Критические пределы этой модели очевидны – прежде всего экологические. Необходимость «третьего пути», пути синтеза западной технологической модели и восточной культуры из теоретической гипотезы постепенно превращается в практический императив. Как это парадоксально ни звучит, но современное сетевое информационное общество вполне органично накладывается на ряд традиционных институтов, например, семейные структуры обществ Юго-Восточной Азии.

Скажем, глобализационные процессы в Японии не привели к тому, что общество по-

теряло свою культурную самобытность. Более того, японское общество смогло достаточно гармонично совместить мощный пласт древней культуры и консервативного традиционализма с новейшими веяниями технологической модернизации и интегрировать конечные результаты научно-технического прогресса в общество без потери культурного традиционализма. Примерно такая же ситуация происходит и в Китае, который удачно комбинирует стремительную научно-техническую модернизацию, многовековые традиционные устои в своеобразную модель политического устройства. Однако какие-то культурные уступки глобализации есть даже здесь.

Тем не менее, устраивает ли необходимость таких уступок ради обретения благ глобализации консервативные слои общества многих стран? Безусловно, нет. Ведь опасность утери некоторой части своей национальной самобытности в процессе глобализации существует и с этим приходится считаться.

Особенно в тех случаях, когда речь идет об обществах, которые строят свою жизнь на религиозной основе. В этом случае волей-неволей процесс технической и технологической модернизации общества ассоциируется с преимуществами общества, развивающегося на другой религиозной основе.

Консервативная часть общества, безусловно, во многих случаях может достаточно лояльно отнестись к политической или экономической модернизации, которая зародилась и исходит от самого общества. Тем более, когда она вполне осознает, что эта модернизация не несет большой угрозы для культурного традиционализма, так как носители идеи модернизации – представители этого же общества. Другое дело, когда идея модернизации общества исходит извне, исходит от носителей если не чуждой, то чужой культуры. В этом случае реакция культурного и конфессионального консерватизма однозначно категоричная – рожденная чуждым влиянием модернизация не пройдет никогда.

Именно эта сила и питается очень мощным источником духовной энергии – идеологией фундаментализма. Сила и власть фундаментализма состоит не только в том, что он питает мощный пласт определенного религиозного мышления даже светских государств. Фундаментализм сегодня особенно силен в том смысле, что часто определяет собственно общественно-политическую жизнь и даже устройство страны.

Такая ситуация, когда правительство государства и конфессиональные фундаменталисты страны находятся в довольно жесткой

конфронтации – не редкость среди современных стран. Так, некоторые страны проводят по отношению к исламской оппозиции политику, которую можно назвать, безусловно, силовой.

Мне представляется, что такие методы борьбы, как запрет конфессиональных движений и преследование граждан по религиозному признаку, не являются результативными. Искусственное нагнетание страстей по отношению к вопросам религии со стороны правящего класса не может не вызвать ответную и крайне негативную реакцию со стороны религиозных слоев населения.

Здесь происходит примерно то же самое, когда говорят – «выплеснуть ребенка из ванны вместе с водой». Опасаясь крайних проявлений агрессии или дестабилизации со стороны фундаменталистов и при этом проводить жесткую политику по отношению к самой религии, исламу, на мой взгляд, абсурдно и бессмысленно.

Особенно если учесть, что современная история наглядно демонстрирует ряд примеров, когда религия и светские власти не только сосуществуют, но и реализуют схему гармоничного сочетания канонов ислама и светской государственности в управлении страной. Так, в Малайзии, Иордании, Марокко и Мавритании одновременно действуют консти-

туция современного образца, которой подчиняются международные связи государства, банковская система и т.д., и нормы шариата, регламентирующие повседневную жизнь граждан.

Конституция Арабской Республики Египет гласит: «Ислам – государственная религия, арабский язык – официальный язык государства. Положения мусульманского права – шариата – являются основой законодательства». В этом отношении говорить о какой-либо принципиальной несовместимости ислама с устоями гражданского общества вряд ли представляется обоснованным.

Не только потому, что неразумно смешивать религию и ее возможные искажения, а не в последнюю очередь из-за того, что крайние религиозные радикалы вынуждены прибегать к крайне жестким методам борьбы с режимом религиозных запретов, под видом защиты не только своих теологических взглядов, но и защиты самой Веры.

И здесь, как мне представляется, совершенно очевидно, что борьба за Веру, как духовный символ общества, объединяет несравненно больше людей, чем какое-либо ее толкование. В этом видится обоснованная опасность такой ситуации, когда между толкованием Веры и самой Верой не делается суще-

ственных различий. Как следствие, в некоторых странах наблюдается тревожная тенденция, когда делаются попытки или имеются отдельные случаи преследования не экстремистов, а представителей мусульманских диаспор вообще.

Усиление религиозного экстремизма во многих частях света и, особенно, в азиатской части Евразии заставляет нас более внимательно отнестись к этому явлению, как с точки зрения всевозможных причин его возникновения и возможных последствий, так и с точки зрения методов превентивной политики и вариантов действий для его предотвращения.

Религиозный экстремизм в Казахстане – явление, которое у нас масштабно не проявилось, но в то же время существует определенная опасность, что процесс конфессиональной дестабилизации, в конце концов, может проявиться и у нас.¹ Если, конечно, вовремя не осознать и не предотвратить эту потенциальную угрозу.

Возможность проявления религиозного экстремизма на нашей территории давно уже вышла из разряда мифических угроз нашей национальной и государственной безопасности как светского государства, идущего по пути демократии и гражданского общества.

Последние события, если и не являются прямым подтверждением пресловутого «столкновения цивилизаций», то, во всяком случае, явно указывают на весьма тревожные тенденции к обострению конфликтов на религиозной почве во всем мире.

Поэтому к самой возможности конфессионального экстремизма в нашем многонациональном и поликонфессиональном обществе просто нельзя и крайне опасно относиться поверхностно.

* * *

Не хотелось бы нагнетать и обострять ситуацию вокруг возможности религиозного экстремизма в нашем Центральноазиатском регионе и особенно в Казахстане. Но, к сожалению, в последнее время ситуация в регионе складывается далеко не лучшим образом – с точки зрения возрождения таких крайних проявлений религиозных движений, как экстремизм. Корни опасности не обязательно искать в рамках исторической перспективы. Но все же необходимо отметить, что десятилетия подавления Веры и религии в советский период явно не прошли бесследно и сегодня негативные последствия антирелигиозной политики в прошлом столетии все же дают о себе знать.

Долгие годы строительства коммунизма сопровождались разрушением или запустением мечетей, церквей, святых мест и других культовых сооружений, активной антирелигиозной пропагандой и даже физическим уничтожением представителей духовенства всех конфессиональных течений, в том числе и мусульманского духовенства. Положение особенно осложнялось тем, что мусульманские народы Средней Азии и Казахстана в советский период воспринимали гонения на Веру как посягательство на свою национальную культуру, традиции и обычаи которой формировались на религиозной основе.

Поэтому в том, что сегодня мы наблюдаем стремительный процесс политизации ислама, нет ничего удивительного. Ислам как религия сегодня испытывает состояние возрождения, не только восстанавливая свои традиции в глазах взрослого населения, но и укрепляясь в умах подрастающего поколения.

Культурное Возрождение духовных традиций и восстановление того духовного наследия, которое оставили нам наши предки, – это безусловно отрадный и позитивный процесс. Но когда мы говорим о благотворном процессе возрождения религии, мы все же вынуждены говорить одновременно и о некоторых неблагоприятных тенденциях, связанных с ак-

тивизацией крайних религиозных течений, которые дают пищу экстремизму.

Сейчас нет необходимости говорить о том, по каким историческим причинам в мире существует диспропорция между экономическим и политическим развитием стран. Это факт, который мы давно уже воспринимаем как данность. В данном случае я не ставлю себе целью говорить о методах и механизмах достижения определенного равновесия между странами и регионами в результате *глобализации*. Этот вопрос слишком сложен и неоднозначен для приближенного рассмотрения.

Но здесь нам следует обратить внимание на другую сторону проблемы, а именно – психологическое восприятие фактического социально-экономического неравенства со стороны бедных слоев и части интеллигенции стран третьего мира. Нельзя не заметить, что сегодня массовое сознание гражданского населения «бедных» стран руководствуется мыслью о том, что современный мир не столько несовершенен, сколько несправедлив. Надо признать, причины такого массового ощущения несправедливости складывались веками и основой для них служили исторические воспоминания о периодах колонизации стран Африки, Азии и Латинской Америки. Колониальные войны, рабство, территориальные зах-

ваты, грабительские методы несправедливой торговли или массового вывоза богатств колониальных стран – все это подспудно и постоянно накапливалось веками и сегодня служит богатой пищей как для оправдания отсталости, так и мотивом для ненависти «бедных» стран к богатым и развитым государствам.

В ситуации «идеологического вакуума», создавшейся после окончания глобального противостояния, во многих мусульманских странах (в том числе в республиках бывшего СССР) наблюдалась стремительная политизация ислама. Победное шествие ценностей западного либерализма, сопровождаемое растущей диспропорцией в экономическом развитии индустриальных стран и остальных государств, укоренило в массовом сознании представление о несправедливости современного миропорядка.

Во многих странах ощущение несправедливого устройства мира наслаивается также на боязнь утери своей национальной идентичности и конфессиональной самоидентификации в результате победы так называемого западного образа жизни. Многие азиатские страны, которые в наибольшей степени пострадали от колонизации, особенно неприязненно и без всяких симпатий относятся к процессу «вестернизации» их общества.

Любое детище, рожденное политической волей, служит для решения вполне определенной и конкретной задачи. И, само собой разумеется, любая задача ограничивается не только своей целью и местом действия, но и ограничено временными рамками.

В этом суть и проблема любой программы, в рамках которой исполнители пытаются взять ситуацию под полный контроль или полное управление, особенно в случае решения задач, которые имеют прямое отношение к геополитике.

Сейчас как-то не модно и не оригинально, имея в виду современные проблемы, кивать на прошлое. Но факт остается фактом – подавляющее количество современных глобальных и региональных проблем является прямым следствием «холодной войны» – биполярного противостояния между двумя блоками.

Державы и государства, для того чтобы разогреть «холодное противостояние», пытались раздуть региональные очаги, решая проблемы локального приоритета, влияния или противодействия. Но слабо тлеющий огонек, в конце концов, выполнив или не выполнив свою задачу, становился вполне самостоятельным огнем. Он превращается в то, что мы можем назвать пожаром – неуправляемой и неподконтрольной огненной и разрушительной стихией.

У меня, конечно, нет намерений проводить какие-либо далеко идущие параллели, но просто следует признать, что современная анти-террористическая борьба в некоторой степени страдает определенной односторонностью без всякой тени учета причинно-следственной связи между теми или иными событиями.

Деятельность экстремистов, следует признать, во многом становится возможной из-за широкой финансовой поддержки общественных организаций и фондов из многих стран мира.

Что касается кадрового состава экстремистских групп, значительному пополнению их рядов способствовала многолетняя гражданская война в Афганистане. В самых разных странах создавались экстремистские организации, которые оказывали финансовую, техническую и кадровую помощь афганским моджахедам.

После окончания войны и вывода советских войск многочисленные отряды иностранных наемников были распущены. Многие граждане, преимущественно арабских стран, возвратившись, стали членами экстремистских группировок и организаций, исповедующих идею «джихада». По разным оценкам, численность таких «воинов Аллаха», прошедших афганскую школу войны, составляет по-

рядка от 8 до 15 тысяч человек, многие из которых в разное время участвовали в военных операциях в Кашмире, Палестине, Алжире, на Балканах и на Северном Кавказе.

Именно эти моджахеды-ветераны сегодня составляют военизированное ядро практически всех влиятельных и известных экстремистских и фундаменталистских организаций. Впрочем, немалая часть современных террористов и боевиков формируется за счет остатков военизированных подразделений организации «Талибан», которая, потерпев политическое поражение и утратив власть в Кабуле, все же сохранила свою организационную структуру и основную массу боевиков своей организации.

Не следует полагать, что опасность со стороны современных экстремистских организаций ограничивается самим их существованием. Как бы они ни были бы хорошо вооружены и оснащены, само их существование представляет собой гораздо меньшую угрозу, чем те идеи и идеологию, которые они стремятся претворить в жизнь. Именно здесь находится водораздел между их потенциальной опасностью как группы вооруженных боевиков и той фактической опасностью, которая обусловлена их масштабной программой действий.

Для экстремистов всех мастей террор – это универсальная панацея от всех их проблем. Во многих случаях террористы и сами не могут четко представить себе последствия террористических актов, но самое главное они усвоили – террор дестабилизирует обстановку, провоцирует ответную агрессию, рождает чувство недовольства в обществе и, так или иначе, приводит к общественному хаосу и гражданским беспорядкам, которые создают, в свою очередь, благоприятную среду для овладения умами, захвата власти экстремистскими группами или оказания давления с целью выполнения тех или иных требований.

Уже сегодня очевидна та угроза для безопасности Центральноазиатского региона, которая несет в себе распространение влияния международных экстремистских и террористических группировок на наш регион. Нельзя не заметить, что в последнее время в республиках Центральной Азии наблюдается стремительная активизация международных террористических организаций, агитационно-пропагандистская тактика которых угрожает подрывом политической стабильности в этих странах.

Таким образом становится очевидным, что в данном регионе присутствуют как внутренние, так и внешние предпосылки для активизи-

зации деятельности экстремистов, которая может вылиться как в общую дестабилизацию общества, так и в ряд прямых вооруженных конфликтов между теми, кто ратует за идею насильственного изменения существующих политических режимов и теми, кто отстаивает принципы ненасилия, межконфессионального согласия и политической стабильности в регионе.

* * *

Миротворчество – это не просто подавление конфликта, уничтожение агрессора или принуждение к пацифизму. Миротворчество – это целая система превентивных мер, благодаря которым конфликт становится или невозможным или маловероятным.

Поэтому конфессиональную безопасность я понимаю в самом широком смысле – как систему государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе вероисповедания и межрелигиозному согласию.

Во-первых, необходимы гарантии и поддержка государства для того, чтобы и впредь обеспечивать полную свободу вероисповедания и свободу каждого гражданина Казахстана, независимо от национальности, для от-

правления культов богослужения и соблюдения обрядов согласно канонам той или иной религии.

Во-вторых, Казахстан, как светское государство, гарантирует принятие мер противодействия межконфессиональным конфликтам. Это касается как внутривластных решений, так и законодательных инициатив, которые не могут включать в себя статьи и акты, приводящие к приоритету той или иной религии в ущерб другим конфессиональным течениям.

В-третьих, государство проводит и реализует целенаправленную и эффективную борьбу с любыми проявлениями религиозного экстремизма, угрожающими национальной безопасности, жизни и благополучию казахстанских граждан.

Итак, Казахстан, как светское государство, придерживается принципа невмешательства государства в дела религии и, соответственно, невмешательства религии в процесс прямого правления государством.

Тем не менее, это вовсе не означает, что государство остается или должно оставаться равнодушным к проблемам конфессионального устройства и развития государства, так же как это не означает, что верующие и собственно религия не должны или не играют какой-

либо значимой общественной или даже политической роли в жизни общества и государства. Не умаляя гражданских прав верующих, все же необходимо констатировать, что конфессиональная безопасность может подвергнуться испытаниям в случае чрезмерной политизации отдельной религии или конфессионального течения! Здесь формула, которая может и должна обеспечивать светский статус государства и конфессиональное равновесие в обществе, достаточно проста: верующие, безусловно, имеют гражданские права и пользуются демократическими свободами. В свою очередь, религия, как духовное начало и возможность отправления культа, не имеет и не должна обладать политическими правами и возможностью влияния на политическую волю государства.

Несомненно) опасность политизации религии определенно существует, и ее нельзя сбрасывать со счетов. Фактически такой тенденции не избежало ни одно государство Центральной Азии, и эта тенденция определяет политику и социальную жизнь государств во многих регионах мира.

Поэтому для достаточно устойчивого в этом отношении Казахстана, который не является импортером деструктивных идей, наибольшая опасность для межконфессиональ-

ного согласия страны видится, прежде всего, в экспорте религиозного экстремизма.

Тем более, что радикальные и экстремистские организации и движения постоянно делали и делают попытки усилить свою влияние среди мусульманской части казахстанского населения и, так или иначе, закрепиться на нашей территории.

Основная ставка фундаменталистов и экстремистов делается на мусульманскую часть населения Казахстана. Но при этом надо учитывать, что религиозный фундаментализм и экстремизм может угрожать и другим, почти 40 конфессиям Казахстана, объединяющим почти три тысячи религиозных организаций и движений. Несмотря на то, что эти попытки успешно пресекались, необходимо принимать во внимание, что возможность таких попыток и в дальнейшем отнюдь не канула в прошлое.

Тем не менее, несмотря на явные и настойчивые попытки определенных сил к чрезмерной политизации религии на территории Казахстана, по ряду причин, они выглядят пока безуспешными.

С чем это связано и почему опасность религиозного экстремизма в Казахстане остается только опасностью, не приобретя форму опасного рецидива и не переходя в разряд реальности?

Несомненно, восстановление религии как одной из немаловажных составляющих культурного наследия, послужило мощным стимулом возрождения духовности казахского народа. Для нас, казахов, ислам – это, в первую очередь, высокий идеал и фактор, определяющий наше мировоззрение, своего рода Символ, позволяющий воздать должное памяти наших предков и богатой мусульманской культуре, которым некогда угрожало полное забвение.

Прежде всего, для нас ислам – это возможность индивидуального самовыражения. Уважение казахского народа к другим формам вероисповедания является тем действенным оружием, которое эффективно лишает возможности не только реализовать, но и публично обсуждать возможность религиозного экстремизма.

Не только политическая воля не дает каких-либо серьезных массовых шансов экстремизму в стране, но и, возможно в большей степени, сама природа конфессиональной веротерпимости, в первую очередь, коренного этноса Казахстана.

В этом смысле Казахстан является светским государством не только формально, но и фактически – по самой природе и духу всего казахстанского народа, сознание которого

формируется на исторической веротерпимости.

Мы исходим из так называемой транзитности нашего общества, конечной целью которого является не создание религиозного государства, а демократического и гражданского общества, основанного на рыночных механизмах экономики и свободе творчества человека. Свобода вероисповедания носит не основной, а дополняющий смысл для полноценного развития общества, и религия в этом отношении не может являться самоцелью прогресса, выступая только как одна из частей общественно-политического развития Казахстана.

Тем не менее, опасность религиозного экстремизма в Казахстане вовсе не носит только гипотетический характер. Основная опасность упомянутая мной, видится прежде всего в деструктивном влиянии извне и может исходить из тех ближних регионов Евразии, где эта опасность приобрела вполне реальные масштабы и элементы экстремизма уже существуют.

Намечаемая активность экстремистов в сопредельных государствах и их желание восстановить утраченные позиции в результате контртеррористической деятельности может стать определенным фактором религи-

озной дестабилизации в стране, особенно в южных ее регионах. И это означает, что стабильная и спокойная ситуация в Казахстане, связанная с состоянием межконфессионального мира, вовсе не означает, что эту проблему можно замалчивать и не предпринимать каких-либо превентивных мер по сохранению режима веротерпимости и религиозной лояльности.

Противодействие религиозному экстремизму необходимо рассматривать как систему мер, которые непосредственно связаны с прямой борьбой с этими явлениями, так и не-прямых, опосредованных мер по усилению режима межконфессионального согласия и межнациональной стабильности. Основное внимание, как мне представляется, следует уделить не силовым, превентивным мерам противодействия. И главным инструментом в этой преимущественно не силовой борьбе должна служить информационная политика.

Казахстан – это часть огромного ареала исламской культуры. Казахи столетиями исповедовали ислам. Атеизм на протяжении прошлого века пытался сломать веру народа. Но благодаря силе вероучения и духовной стойкости прошлых поколений эта попытка провалилась.

После обретения независимости вполне

естественным было желание людей вернуться к своим духовным истокам. Это религиозное возрождение было поддержано государством. В стране были построены сотни мечетей. Обучение в признанных центрах исламской культуры прошли многие казахстанцы. Великая гуманитарная и нравственная роль ислама стала особенно очевидной в современном Казахстане.

Мусульманская община и духовенство нашей страны высоко оценивают позицию государства и придерживаются в подавляющей массе традиционного ислама суннитского толка. Попытки привнесения радикальных воззрений на казахстанскую почву не имеют массовой поддержки.

Информационная политика должна включать в себя элементы религиозного воспитания, которое формируется на основе представлений о мировых религиях как источниках мира и лояльности.

Особенно это касается развенчания мифа об исламе как «агрессивной» религии. Эти меры информационного воздействия подразумевают также широкое освещение интеллектуального и духовного творчества выдающихся представителей исламской цивилизации, таких как аль-Фараби, Авиценна (ибн Сина), ибн Рушди и Фирдоуси.

Здесь, разумеется, совершенно невозможно обойтись без качественно нового уровня образования в религиозных учреждениях – медресе и духовных академиях. Ведь нет никаких противоречий в том, что раскрыть истинный смысл основных положений вероучений и культа ислама, изложенных в священном Коране и довести их до верующего эффективно и действенно смогут только представители казахстанского духовенства и богословы. Несомненно, это – приоритетная задача, которую должны выполнять представители творческой интеллигенции и духовенства, имеющие ясное представление о самом исламе и его истории.

Само собой разумеется, что подобные инициативы должны исходить от самих представителей мусульманского духовенства, взаимоотношения с которыми строятся исключительно на рекомендательном характере воздействия, основанного на принципе невмешательства государства в дела религии.

Священная Книга мусульман – Коран – невероятно многосложна и неоднозначна. Истинный смысл ислама всегда оставался неизменным, но сам его текст в разные времена и в разных народах допускал самые различные толкования.

На территории Казахстана ислам сформирова-

ровался на основе идеологии, так называемой ханафитской религиозной школы и учения суфизма.

Одна из существенных особенностей суфизма лежит в его духовной гибкости, которая позволяет приспособливать исламские догматы к тому или иному состоянию общественных отношений.

Именно благодаря такой лояльности суфизма казахи, принявшие ислам, смогли органично и одновременно совмещать отправление религиозных культов на основе положений Корана и традиционных доисламских обрядов. Таким образом, казахи, принявшие новую для них исламскую религию, не отказались от духовного наследия своих предков – тюркских кочевых племен.

Выдающимся представителем и родоначальником суфизма на территории Казахстана в такой форме, ставшей своего рода тюркской традицией, был Ходжа Ахмед Яссави, мавзолеем которого находится в древнем Туркестане. Именно благодаря его подвижническим усилиям стала возможной гармония канонов ислама и языческих обычаев в национальной среде казахских племен, и в казахском народе и по сей день свято чтят его имя, посещая его мавзолей, который стал для многих тюркоязычных мусульман «Второй Мек-

кой». Примечательно, что состоявшийся в октябре 2002 года II Курултай казахов всего мира состоялся именно в Туркестане, который до сих пор хранит священный дух Ходжа Ахмеда Яссави – символа религиозного единства казахского народа.

Таким образом, различные толкования ислама всегда сопровождали становление и развитие ислама и в этом нет ничего, что противоречило или могло бы противоречить духу и букве Корана и Шариата. В этом смысле, мне представляется, что тот вариант исламского вероучения, который окончательно утвердился в Казахстане, не может не допускать дальнейшего идеологического развития и необходимости реформирования исламского наследия со стороны наших теологов применительно к современным условиям мусульманского сообщества страны.

Скажем, в некоторых странах свое дальнейшее развитие получает так называемый «просвещенный» ислам, который играет роль духовного посредника между светскими властями и верующими в процессе стабилизации общественного и политического состояния государства.

В подобной миротворческой и общественно значимой форме вполне может происходить реформация ислама и у нас в Казахстане.

Разумеется, нельзя забывать и о прямых формах борьбы с экстремизмом. Это касается, в первую очередь, укрепления силовой составляющей антитеррористических рубежей, которые могут нарушаться не только за счет идеологической диверсии, но и в результате прямой агрессии вооруженных групп экстремистов и террористов.

И, наконец, необходимо продолжать «традиционную профилактику» с использованием мер полицейского надзора, направленную на проверку деятельности религиозных организаций и благотворительных фондов и пресечение возникновения экстремистских группировок. Основной акцент должен делаться на борьбу с региональными и международными движениями экстремистов.

В этом отношении нет никаких сомнений в необходимости и целесообразности развития регионального и международного сотрудничества казахстанских и иностранных спецслужб по выявлению экстремистских центров и их финансовой сети, а также принимать меры по противодействию транзиту наркотиков через Центральную Азию.

Следует активизировать участие в деятельности международной антитеррористической коалиции. В Центральной Азии могут быть использованы региональные политичес-

кие структуры – ШОС, ДКБ. В перспективе следует отметить необходимость и возможность создания на основе СВМДА континентального объединения по противодействию экстремизму, которое, кроме Центральной Азии, охватит другие кризисные регионы – Южную Азию и Ближний Восток.

Часть III

**ЗОНА ОСОБОГО
ВНИМАНИЯ**

Есть ли сходство между самоощущением человека, который испытывает последствия физического недуга своего организма и влиянием социальных проблем общества, которое его окружает? Можно ответить достаточно определенно – да! И это сходство – боль. Боль физическая и боль моральная. В каждом случае человек как личность всегда жаждет успокоения или иного способа, способного хоть ненадолго притупить перманентное ощущение душевной и физической боли.

И многие люди планеты, живущие в состоянии физического и морального дискомфорта, считают, что такое универсальное лекарство существует – это наркотики. Наркомания, как явление индивидуально-массового потребления наркотиков, сегодня фактически стала «визитной карточкой», определяющей поведение огромных социальных групп, получивших название «групп риска».

В самые древние времена и в самых забытых закоулках истории можно встретить упоминание о веществах, вызывающих наркотические опьянение или ощущения. Не вызывает сомнения, что в далекой древности, в Шумерском царстве, в античные времена, у ацтеков и инков, у племен Сибири и народов Дальнего Востока широко применялись опиум, гашиш и другие наркотические препара-

ты, полученные естественным путем в медицинских и оздоровительных целях, во время проведения культовых языческих обрядов и как привилегированный способ времяпрепровождения отдельных каст и элитных групп.

Как видим, в те времена существовал своего рода жесткий регламент, который определял достаточно узкое или слишком специфичное распространение и потребление наркотиков.

Но последнее столетие заставило нас осознать и признать, что наркотики значительно повысили свой статус: из химического препарата, угрожающего морально-физическому здоровью индивида, они превратились в перманентную социально-общественную угрозу для национальной безопасности многих государств.

Массовое использование психотропных веществ ставит под угрозу применимость самого понятия полноценного и устойчивого развития, заставляя многих делать крен в сторону социальной апатии и общественной регрессии.

Как это ни странно, широкому распространению наркотиков как специфическому продукту потребления способствовало развитие рыночных и торговых отношений. Предмет забавы элиты и медицинское болеутоляющее лекарство, наркотики постепенно ста-

ли предметом широкой купли-продажи. Наркотики, появившиеся в массовом количестве благодаря внедрению промышленных технологий получения и производства, стали обычным средством купли-продажи, не слишком дефицитным и не слишком дорогим.

Уровень массового потребления и огромные возможности наркотиков как средства наживы привели к ряду крупномасштабных конфликтов, так называемым «опиумным войнам» 1840–42 и 1856–60 годов, которые вели между собой крупнейшие в то время поставщики и потребители «дурманящего зелья» – Великобритания, Франция и императорский Китай. Тогда, собственно, и возникло столь популярное сегодня на страницах газет и журналов новое криминально-коммерческое понятие – наркобизнес.

Как, собственно, медицинские цели и потребности рынка привели к созданию новых наркотических препаратов, созданных на полусинтетической и синтетической основе. В позапрошлом и прошлом веках ученые-химики, благодаря общему научно-техническому прогрессу в синтезе веществ, синтезировали целый класс новых видов наркотиков – героин, кокаин, амфетамины, метамфетамины и ряд других препаратов психотропного воздействия. Потребности рынка наркотиков при-

вели к созданию целой наркоиндустрии: мощное производство и высокий уровень массового потребления заставил наркоторговцев налаживать систему постоянно функционирующих торговых сетей (трафиков), которые позволяли значительно повысить уровень перевозок и снизить транспортные издержки.

Алчные руки преступных группировок и синдикатов протянулись к возможностям получения сверхприбылей от наркобизнеса, свободного от налогов, опирающегося на коррумпированную полицию и удовлетворяющего самые низменные человеческие страсти.

Один из печальных итогов XX века, периода расцвета наркобизнеса, известен: сегодня, в начале третьего тысячелетия, 142 миллиона жителей планеты регулярно и активно потребляют марихуану, 30,5 миллионов человек одурманивают себя амфетаминами и синтетическими наркотиками, 13,4 миллиона человек потребляют кокаин и 8 миллионов граждан потеряли всякий человеческий облик в паутине героина и опиатов. А если добавить к этим ужасающим цифрам тех, кто только находится на пороге «наркотического сна» или же потребляет так называемые легкие наркотические препараты – экстази и что там еще? А если добавить к списку уже известных психотропных препаратов изобилие разрабаты-

ваемых совершенно новых или модернизированных наркотиков-дурманов, порожденных здоровым и практичным воображением псевдоученых в квазинаучных подпольных лабораториях? Сколько еще человек будет медленно умирать от новых препаратов, дополняющих уже известные – 130 видов наркотических средств, 120 видов психотропных веществ и 18 видов так называемых прекурсоров?

Социальные и политические негативные последствия потребления наркотиков и самого наркобизнеса приобрели столь угрожающую и глобальную форму, что Генеральная Ассамблея ООН на 20-й Специальной сессии сочла необходимым констатировать их особую опасность для настоящего и будущего человечества в Политической декларации от 8–10 июня 1998 года: *«...Наркотики ломают жизнь людей, разрушают общины, подрывают устойчивое развитие человека и порождают преступность.*

Наркотики затрагивают все сектора общества во всех странах; в частности, злоупотребление наркотиками наносит ущерб свободе и развитию молодежи – наиболее ценного мирового достояния. Наркотики представляют серьезную опасность для здоровья и благополучия всего человечества, независимости государств, демократии, стабильности на-

ций, структуры всех обществ, а также достоинства и надежд миллионов людей и их семей...».

За этими, на первый взгляд, сухими строками – вся трагедия и боль человечества, источник бедности, преступного богатства, войн, экстремизма и терроризма.

Наркобизнес – это фактически государство в государстве. Империя всепланетного масштаба, в которой свои законы, правила игры, своя наркоармия, наркополиция, аппарат наркоуправления и свои наркограждане – миллионы людей, одурманенных «опиумным угаром» и платящих непомерные налоги наркогосударству, окунаясь в пучину нищеты и социальной безысходности.

Система управления наркобизнесом сегодня приобрела окончательные и устойчивые формы: отдельные регионы занимаются производством зелья, отдельные регионы являются сформировавшимися рынками потребления и сбыта, все находится в непрерывном движении и в постоянном состоянии прогресса – новые препараты, новые производственные мощности, новые рынки сбыта, новые клиенты наркобизнеса.

У этой империи планетного масштаба, именуемой «Наркобизнесом», словно у гидры, три «золотые» столицы: «Золотой треуголь-

ник» Мьянмы, Таиланда и Лаоса, «Золотой полумесяц» Афганистана, Пакистана и Ирана и «Андский треугольник» Латинской Америки. Если «золотые» треугольник и полумесяц управляют героином и опиатами, то латиноамериканские наркобароны властвуют над кокаином.

Мировое производство кокаина сегодня составляет почти 1000 тонн ежегодно. Кокаиновые плантации занимают обширные районы на территории Южной и Центральной Америки, Мексики и южных штатов США. Сегодня самым крупным производителем кокаина является Колумбия. Что же касается выращивания природных листьев коки, Колумбия, на которую приходится две трети выращенных листьев коки, сегодня также превосходит Перу и Боливию по объему производства, которые некогда занимали первые места в этом списке производителей компонентов для кокаина. Тонны кокаина самыми разными путями доставляются на основные рынки потребления: в США, Западную Европу, Японию, Австралию и ряд других стран.

Развитие наркобизнеса стало настоящей трагедией как для стран, являющихся основными поставщиками наркотиков, так и для стран, основных его потребителей. Так, Колумбия, например, вынуждена ежегодно за-

трачивать около миллиарда долларов на борьбу с производством коки и мака в своей стране, что, разумеется, самым губительным образом сказывается на экономике страны. Несмотря на то, что колумбийские власти ежегодно уничтожают почти 52 миллиона доз кокаина и 3 миллиона доз героина, колумбийские наркобароны продолжают получать сверхприбыли от производства наркотиков, занимающего почти 500 тысяч га территории страны.

Но наркопровинции также не дремлют.

В последние годы возник и получил огромную силу еще один поставщик кокаина и героина – нигерийская организованная преступность. Объемы наркооборота из Нигерии постоянно повышаются и принимают угрожающие размеры и очертания новой, еще одной, столицы наркоимперии. Так, у нас в Казахстане в 1997 году сотрудниками КНБ Казахстана, которые работали в тесном сотрудничестве с рядом зарубежных спецслужб, был раскрыт и ликвидирован один из таких «нигерийских» каналов поставок наркотиков, проходящих по территории нашей страны в Восточную Европу.

Надо ли говорить, какую опасность для нас представляют имеющиеся и возможные попытки транспортировки наркотиков через нашу территорию – эти схемы транзитных пу-

тей значительно осложняют ситуацию с потреблением наркотиков в нашей стране, так как определенная часть перевозимых наркотиков, как правило, оседает по пути следования. Поэтому особую опасность представляет даже не сам уровень потребления наркотиков, а объем наркотрафика через территорию Казахстана. Именно жесткая борьба с наркотрафиком позволит значительно снизить наркопреступность в Казахстане, если не свести ее на нет.

Разумеется, что особую опасность для нас представляет не каналы «экзотического наркотрафика», например, нигерийского кокаина и героина, а основной поток наркотиков, направленный из Афганистана в европейские страны.

Афганистан, как следует из данных Управления ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности, занимает печальное ведущее место по производству опиатов, к которым относятся опий и героин. Именно на афганские плантации приходится почти 75–80% всего мирового производства этого вида наркотических веществ. Каждый год объем производства опия составляет от 2,8 до 4,8 тысяч тонн.

Ситуация для нас значительно осложняется тем, что Центральная Азия и Прикаспий гео-

графически находятся между основным производителем опия, Афганистаном, и крупными рынками сбыта и потребления – Восточной и Западной Европой. Поэтому основной поток наркотрафика, естественно, приходит именно сюда, создавая и иницируя огромный потенциал дестабилизации во всем обширном пространстве этих регионов.

К сожалению, Центральная Азия является не только перевалочным пунктом на пути транспортировки наркотиков. Большую опасность для региона представляет один из самых распространенных наркотиков – конопля (каннабис). Конопля, в основном, произрастает в диком виде и ее обширные поля встречаются и в южных регионах Центральной Азии. Сегодня объем мирового производства каннабиса составляет почти 30 тысяч тонн, и этот вид природного наркотика распространен в почти 120 странах мира. Переработка конопли лежит в основе производства марихуаны и гашиша, которые отличаются значительным возрастанием спроса на мировом рынке наркотиков.

Но мне представляется, что опасность не только в широком распространении наркотических веществ и возникновении новых рынков производства и сбыта наркопрепаратов. Не меньшую опасность для человека и чело-

вещества представляет, скажем так, качественно новая организация наркобизнеса, связанная с приобретением им транснационального характера. Сейчас уже практически нет смысла разделять наркобизнес по территориальному и национальному признакам – все наркосиндикаты тесно связаны между собой и оперативно координируют все свои действия.

В этом смысле можно отметить что наркобизнес сегодня вышел на качественно новый уровень – во-первых, он глобализован настолько, насколько это возможно, во-вторых, по темпам индустриализации и освоения новых технологий он опережает многие гражданские отрасли.

Эти тревожные и качественно новые тенденции заставляют нас говорить уже не об отдельных преступных группировках, занимающихся производством и сбытом наркотиков, а о единой транснациональной наркокорпорации, состоящей из подвижных сетей территориальных структурных подразделений, построенных по принципу сот – национальных ячеек.

Глобализованная и высокотехнологичная наркоимперия, без всякого сомнения, представляет реальную угрозу не только для национальной безопасности отдельного государства в любой точке мира, но и для всего

человечества. Мировое сообщество сегодня как никогда уязвимо для негативного воздействия мировой наркомафии, подрывающей его демографический, социально-экономический, научно-культурный потенциал.

Сегодня мировое сообщество предпринимает отчаянные усилия в борьбе с этим злом. Характер и способы этих усилий выглядят по-разному и различаются соответствующим подходом к этой борьбе того или иного государства.

Одни государства ведут борьбу с наркотиками с использованием набора самых жестких и крайних мер. Например, такие страны, как Малайзия, Иран и Пакистан используют смертную казнь как основной инструмент борьбы с распространителями наркотиков и их законодательство в этом отношении отличается режимом максимального ужесточения за наркопреступления. Нельзя сказать достаточно определенно, насколько эффективны такие суровые методы борьбы, но факт остается фактом: в этих странах количество преступлений, связанных с наркобизнесом, ежегодно увеличивается на 2–3%.

В свою очередь, ряд стран, США, Великобритания и Франция, используя более мягкие виды уголовного наказания, ведут борьбу другого рода, осуществляя предельно же-

сткий контроль за всеми видами наркотиков и проводя политику активного противостояния наркомафии. Так, в США, где ущерб от наркомании составляет почти 150 миллиардов долларов ежегодно, большинство американских штатов подвергают наказанию не только распространителей и сбытчиков наркотиков, но и тех граждан, которые только совершают попытки приобретения наркотических препаратов. В Англии и Франции наркоманов в судебном порядке отправляют на принудительное лечение.

И, наконец, в ряде стран довольно либерально относятся к злоупотреблению наркотиками, применяя гораздо более мягкие виды наказаний. Например, Голландия вообще легализовала употребление так называемой «слабой» группы наркотиков.

* * *

Однако простая констатация ситуации, связанной с состоянием наркобизнеса в мире, и перечисление фактов, касающихся адекватной реакции мирового сообщества на эту крайне опасную проблему, бессмысленна, если мы не подвергнем их всестороннему анализу применительно к угрозе наркобизнеса для национальной и государственной безопасности в наших регионах – Центральной

Азии и Прикаспии. И здесь, как следует из анализа и сопоставления фактов, проглядывается чрезвычайно драматическая ситуация, связанная с некоторыми тенденциями, представляющими более чем осязаемую угрозу для стабильности нашего государства в ближайшие годы.

С одной стороны, абсолютное мировое лидерство в уровне потребления природных и синтетических наркотиков по-прежнему принадлежит США и Западной Европе.

Однако, если брать Евразию, начиная со второй половины 90-х годов прошлого столетия, наблюдается снижение потребления наркотиков в Западной Европе и одновременный рост потребления наркотиков в странах, которые расположены на главных торговых маршрутах. В частности, происходит постепенное повышение роста потребления в Центральной Азии, которая является транзитным регионом на пути транспортировки наркотиков. Это очень тревожная тенденция и, если не уделить ей достаточного внимания уже сегодня, трудно представить себе, к каким непредсказуемым последствиям для Центральной Азии и, в частности, Казахстана это может привести. Кроме этого, возникает еще одна опасность, связанная с текущим развитием ситуации в Афганистане.

На сегодняшний день на опиумных складах афганских производителей скопилось большое количество нереализованных, в основном из-за антитеррористической войны, партий наркотиков.

Так, по данным экспертов ООН, в 2002 году произошло повторение рекордного урожая 1999 года – от 3,5 до 4,6 тысяч тонн опиясырца. При том, что основные запасы из произведенных в течение последних 3–4 лет 10 тысяч тонн опия, за «минусом» направленных на рынки сбыта, не были обнаружены и изъяты в ходе международной антитеррористической операции.

Уже сегодня наблюдается увеличение объемов наркотрафика, проходящего по территории Центральной Азии и Прикаспию. Это обстоятельство наслаивается на общую тенденцию к увеличению объемов перевозок наркотиков по этому маршруту. Несомненно, это обстоятельство также значительно осложняет наркоситуацию в нашем регионе.

Итак, Центральная Азия, в состав которой входят Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, является транзитным регионом на пути следования потока наркотиков от основных производителей к основным потребителям. Наш регион граничит с одной из столиц наркоимперии – «Золо-

тым полумесяцем», в которую входят Афганистан, Пакистан и Иран. Так, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имеют общие границы с Афганистаном, а Туркменистан также общую границу с Ираном.

Эти особенности географического положения и подобное «стыковое» соседство Казахстана и других стран Центральной Азии с мировыми рынками производства и сбыта опасных наркотиков превратили территорию региона в устойчивый «транзитный коридор» для их межконтинентального перемещения. Но, вдобавок, транзитная роль в последние годы укрепляется также за счет наращиваемых поставок синтетических наркотиков («экстази», ЛСД, амфетаминов) и прекурсоров, движущихся в обратном направлении – из Европы в Азию.

Таким образом, необходимо признать, что Казахстан *volens-nolens* (волей-неволей) оказался втянутым во всемирную наркопаутину.

Совершенно очевидно, что ситуация с наркоманией в стране жестко связана с состоянием наркобизнеса на Евразийском континенте и во многом возможности нормализации (минимизации) наркопреступности в Казахстане определяются успехами борьбы с наркобизнесом на международном уровне.

В последнее время ситуация с наркомани-

ей в Казахстане постоянно усложняется и в ближайшей и краткосрочной перспективе, несомненно, станет одной из самых главных проблем обеспечения национальной и государственной безопасности.

Уже сегодня можно констатировать, что наркобизнес в Казахстане стал проблемой социальной значимости, проблемой, которая самым деструктивным образом влияет на гражданское состояние общества, на перспективы его экономического развития и социального прогресса.

Как следует из статистических данных, сегодня в Казахстане на учете за немедицинское потребление наркотиков состоит 45505 человек, из которых 1927 – несовершеннолетние и 4420 – женщины. Из этого числа с диагнозом «наркомания» на учете находится 28913 граждан. При этом среднегодовое употребление опиоидов в Казахстане, без учета транзита, составляет более 29 тонн, а каннабиноидов – 500–750 тонн. И, к сожалению, число наркоманов постоянно повышается. Несмотря на то, что, по относительным и абсолютным показателям числа наркоманов в обществе, Казахстан далеко отстает от развитых стран – основных потребителей психотропных веществ, неуклонная тенденция к росту числа потребителей наркотиков, в конце концов,

может привести к другой, более мрачной качественной картине наркосостояния в обществе.

Рост потребления наркотиков, естественно, сопровождается ростом уголовных преступлений, связанных с наркотиками.

Так, к примеру, с 1991 по 2001 годы удельный вес наркопреступлений в общей преступности в республике вырос с 2,8% до 11,6%, т.е. в 4 раза, а их число составило в 2001 году почти 17700. Так, в последние несколько лет по оконченным производством уголовным делам в год в Казахстане изымается более 10 тонн наркотических средств и психотропных веществ.

Такова основная картина, связанная с состоянием наркомании и наркопреступности в Казахстане на современном уровне.

Положение в значительной степени усугубляется не только тем, что Казахстан находится на пути основных транспортных потоков наркотиков на Евразийском континенте. Это только часть проблемы.

Сегодня общий торговый взаимообмен, проходящий по территории Казахстана, постоянно увеличивается. Программа интенсивного развития транспортных коммуникаций, пассажирских и грузовых перевозок дает свои плоды и в перспективе транзитные возможно-

сти территории нашей страны позволят сделать Казахстан основным транспортным коридором, связывающим страны Азии с Россией и другими странами Европы. К сожалению, перспективными транспортными возможностями Казахстана начинают активно пользоваться и наркосиндикаты, перевозящие природные наркотики из Азии в Европу и синтетические – обратнѳ.

Вряд ли какое-либо отдельное государство в одиночку сможет эффективно противостоять наркотрафику и наркопреступности, имеющей сегодня исключительно международный характер.

Несомненно, мы предпринимаем и будем предпринимать жесткие меры, как собственного характера, так и во взаимодействии с международными антитеррористическими структурами, чтобы предотвратить эту крайне опасную тенденцию.

* * *

Учитывая всю серьезность создававшегося положения и степень потенциальных угроз для Казахстана в связи с международной индустрией наркотиков, вопрос о методах борьбы и противодействия сбыту и распространению наркотиков является для нас одним из первостепенных и жизненно важных. Нет со-

мнений в том, что необходимо использовать не только уже имеющийся и наработанный набор инструментов по борьбе с наркоманией, но и искать новые, более эффективные и коллективные способы противодействия и защиты от наркобизнеса.

Казахстан на сегодняшний день реализовал целый ряд системных мер, которые позволяют использовать нормы международного права и совместную координацию усилий в этом направлении.

Во-первых, Казахстан интегрирован в международную систему контроля над наркотиками. Ратифицированы основные конвенции ООН в области контроля над наркотиками (1961, 1971 и 1988 годов). Республика стала полноправным членом главного антинаркотического органа ООН – Комиссии по наркотическим средствам, активным участником ряда авторитетных международных организаций, рассматривающих в своем формате вопросы противодействия незаконному распространению наркотиков (ШОС, ЦАЭС, СВМДА, ОДКБ и др.).

Казахстан уже зарекомендовал себя как активный и последовательный борец с мировой проблемой наркотиков. От имени государства и народа Казахстана, мы, руководство страны, неоднократно выступали на крупнейших международных форумах с инициативами по дос-

тижению стабилизации наркоситуации в регионе Центральной Азии и мире в целом.

Так, относительно недавно в своем докладе 2 сентября 2002 года в Йоханнесбурге на Всемирной конференции ООН по устойчивому развитию я уделил особое внимание тому факту, что Афганистан по-прежнему остается источником распространения экстремизма и наркотиков, и призвал ООН срочно разработать программу с целью системного противодействия наркобизнесу в регионе.

Ведь совершенно очевидно, что война с международным терроризмом теряет всякий смысл, если корни этого явления продолжают подпитываться извне.

Во-вторых, у нас создана национальная антинаркотическая законодательная и иная нормативная правовая база, приняты и начали реализовываться стратегические программные документы, определившие комплекс приоритетных мер в этой области. Так, к примеру, приняты законы «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими», «О медико-социальной реабилитации лиц, больных наркоманией», Стратегия борьбы с наркоманией и наркобизнесом на 2001–2005 годы и Программа борьбы с этими явлениями

на 2002–2003 годы. Добавлю, что последние документы, Стратегия и Программа борьбы с наркоманией, остаются уникальными документами такого рода в опыте стран Содружества Независимых Государств.

В-третьих, если говорить о практической стороне борьбы и противодействия, в рамках реализации Стратегии борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2001–2005 годы образованы структурные элементы полномасштабной национальной системы противодействия наркотикам, такие как Республиканский научно-практический центр медико-социальных проблем наркомании (г.Павлодар), кинологические центры Таможенного комитета МГД и МВД Республики Казахстан (г.Алматы), Учебный центр по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов правоохранительных и иных государственных органов по вопросам борьбы с незаконным оборотом наркотиков при Академии МВД (г.Алматы), Национальный информационно-аналитический центр по изучению и оценке состояния наркотизма при Генеральной прокуратуре (г.Астана).

Принятые меры являются необходимым, но недостаточным условием эффективной и, главное, успешной борьбы с наркобизнесом и наркопреступностью.

Необходим системный подход к этой проблеме, который бы включал в себя не только механизмы учета и анализа текущих событий в этой области, но и элементы превентивного характера, которые позволили бы заранее свести потенциальную проблему к состоянию минимальной угрозы и последствий.

В немалой степени это касается проблем внутреннего состояния государства и, в том числе, уже имеющегося подхода к решению этих проблем со стороны самого общества. Безусловно, следует признать необходимыми и результативными социальные и общественные акции, подобных «Молодежь против наркотиков» или аналогичных массовых мероприятий. Но они носят, как правило, характер разовых акций. Средства массовой информации Казахстана также вносят значительный вклад в борьбу с наркобизнесом, но замечу, что зачастую проблема наркотиков преподносится или в сенсационной форме, или же больше походит не на форму протеста, а преподносится и, соответственно, воспринимается как своеобразная реклама.

Государственные органы, призванные бороться с распространением наркотиков (и их употреблением) также слабо проводят целенаправленную и продуманную работу по профилактике наркопреступности в так называе-

мых «группах риска» – маргинальных или асоциальных средах. Особенно это касается ситуации, при которой определенное количество граждан вообще не включается в списки «социально больных», попавших в наркотическую зависимость.

Необходимо затратить огромные дополнительные средства, чтобы значительно укрепить материально-техническую базу спецподразделений по борьбе с наркокартелями и дать возможность проводить силовым ведомствам полномасштабные операции по изъятию подавляющей части перевозимых по территории Казахстана наркотиков и созданию широкой агентурной сети по выявлению сбытчиков и крупных наркодельцов.

В результате, к примеру, в 2001 году из нелегального оборота было изъято всего лишь 172,9 кг опия и героина, что, конечно, по крайней мере, на два порядка ниже оценочного объема наркотрафика по этим видам психотропных веществ. При этом следует иметь в виду, что, согласно критериям ООН, при нормальной деятельности государственных структур из нелегального оборота должна изыматься не менее чем 1/10 часть наркотиков, находящихся в нелегальном обороте, включая массив их транзитного перемещения.

Без учета создавшейся ситуации и объек-

тивной оценки наркопреступности в стране невозможно выработать оптимальные и действенные программы по борьбе с наркомафией и наркоманией.

С одной стороны, нет никаких веских причин для того, чтобы излишне драматизировать ситуацию.

С другой стороны, надо признать, что наметившиеся тенденции с наркотрафиком и наркопроизводством в Казахстане не дают нам излишнего повода для оптимизма. То, что не слишком существенно сегодня, по крайней мере, по сравнению с другими странами, может оказаться в конце концов фактором, который не только гипотетически, но и более чем вероятно сможет повлиять на уровень безопасности государства и региона.

Поэтому необходимость внедрения системного подхода и более рационального отношения к этой проблеме является одной из самых актуальных тем к вопросу о превентивном обеспечении национальной и государственной безопасности. И речь идет в данном случае не только о всемерном повышении и усилении борьбы с наркопроявлениями, но и новых, концептуальных подходах борьбы и противодействия наркобизнесу во имя настоящей и будущей безопасности Казахстана.

Если говорить о концептуальных методах

решения проблем, то здесь мы можем выделить два этапа антинаркотической программы, которые разделены не столько хронологически, сколько концептуально.

Во-первых, на первом этапе, в течение среднесрочного периода, необходимо осуществить мероприятия по стабилизации наркоситуации в стране. Во-вторых, при успешном осуществлении этой задачи мы получим определенную базу или отправную точку для того, чтобы приступить к программе постепенного снижения незаконного оборота наркотиков и уровня его немедицинского потребления.

Разумеется, что передний край борьбы с наркопреступностью занимают государственные и местные исполнительные органы власти. Но максимальный эффект от их деятельности следует ожидать только в том случае, если они будут осуществлять ее в строгом соответствии с принятой Стратегией борьбы с наркоманией и наркобизнесом.

Необходимо осуществлять реальный контроль над наркоситуацией в стране и вырабатывать ситуационные и оперативные меры по борьбе с наркобизнесом. Разумеется, все это потребует дополнительных мер по кадровому и материально-техническому обеспечению подразделений правоохранительных и иных заинтересованных государственных органов.

Несомненно, что должен быть значительно ужесточен отбор сотрудников в подразделения органов внутренних дел и национальной безопасности, таможенных органов по борьбе с наркобизнесом и контрабанде наркотиков и приняты соответствующие жесткие меры по своевременному выявлению лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков.

Потребуется особое внимание к мерам противодействия контрабанде и незаконному обороту таких «тяжелых» наркотиков, как героин и опий, которые связаны с совершенствованием законодательства, а также улучшением сотрудничества и взаимодействия с зарубежными государствами и международными организациями, в том числе в целях привлечения иностранной технической помощи.

Кроме того, представляется целесообразным разграничить и усилить уголовную ответственность за сбыт героина, опия и других «тяжелых» наркотиков.

Необходимо, начиная с 2003–2004 учебного года, в учебных заведениях правоохранительных и специальных органов пересмотреть программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов по проблемам борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В высших медицинских учеб-

ных заведениях обеспечить подготовку кадров по специальности «психиатр-нарколог».

Серьезной модернизации с учетом современных подходов требует наркологическая служба, в структуре которой предполагается создание полноценного блока медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц. Важная роль при этом отводится деятельности Республиканского научно-практического центра медико-социальных проблем наркомании.

Главным и наиболее перспективным направлением должна стать профилактика наркомании, нацеленная на формирование социального наркотического иммунитета. Для этого необходимо внедрить в 2003–2004 учебном году многоступенчатую программу активного формирования этих свойств у учащихся средних, средних специальных и студентов высших учебных заведений.

Реальным инструментом достижения стабилизации наркоситуации является разработка и внедрение соответствующей системы индикаторов эффективности антинаркотической деятельности всех заинтересованных государственных органов. Решение этих серьезных задач возможно при условии осуществления постоянного и глубокого научного мониторинга наркоситуации.

Огромный резерв в достижении стабилизации наркоситуации принадлежит региональным комиссиям по борьбе с наркомагией и наркобизнесом, которые в основном строят свою работу на заслушивании руководителей соответствующих органов и принимают меры без достаточного их финансового обеспечения.

Изучение международной практики свидетельствует об особом внимании государств к деятельности антинаркотического координирующего органа. При этом самостоятельная роль, связанная с раскрытием и расследованием наркопреступлений, отводится специальному органу. При сохранении антинаркотических функций таможенных и пограничных органов, а также органов национальной безопасности, строго очерченных их полномочиями, эта роль возлагается на соответствующие подразделения внутренних дел, полиции.

По опыту большинства стран, функции координирующего органа возложены на правительственную комиссию по контролю за наркотиками.

Сложная наркоситуация в Таджикистане заставила руководство страны пойти на создание специального Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Таджикистана, полномочного пресекать и расследовать

наркотические преступления, в том числе и затребовав их из других правоохранительных органов.

В целом, международный опыт свидетельствует о необходимости соблюдения устоявшегося в мировой практике принципа разделения функций органа-координатора и функций спецоргана.

Изучение широкого международного опыта убеждает в том, что созданная система должна быть направлена не на недостижимое искоренение этих явлений, а на их стабилизацию и удержание в параметрах, минимизирующих негативное влияние на состояние национальной безопасности и генофонд нации.

В отсутствие такой системы осуществляемые меры в области предупреждения распространения наркотиков и профилактики наркомании, лечения и реабилитации наркозависимых лиц, пресечения незаконного оборота наркотиков желаемого результата не приносят.

Таким образом, на предстоящем этапе необходимо осуществление следующего комплекса неотложных мер:

1) мер правового характера, заключающихся в приведении национальных норм различных отраслей права (гражданского, семейного, трудового, административного, уголов-

ного и др.), регулирующих те или иные аспекты противодействия наркомании и наркобизнесу в соответствии друг другу;

2) мер управленческого характера. Эффективное функционирование единого национального координатора по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, обладающего необходимым статусом;

3) мер материально-технического характера, включающих надлежащее кадровое и финансовое обеспечение заинтересованных государственных органов;

4) мер, направленных на приоритетное развитие профилактики наркомании и предупреждения наркобизнеса, системы медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц, предусматривающих консолидацию усилий всего общества;

5) мер, связанных с изменениями оценки деятельности государственных органов, борющихся с наркоманией и наркобизнесом;

6) мер, направленных на всемерное укрепление и развитие международного сотрудничества и взаимодействия между компетентными органами стран региона, а также государств, территории которых связаны прохождением общих наркотрафиков, включая расширение использования возможностей региональных политических и других структур вза-

имодействия (ШОС, ЦАЭС, СВМДА, ОДКБ и др.);

7) мер, направленных на расширение привлечения технической помощи международного сообщества, зарубежных государств и международных организаций, при реализации конкретных антинаркотических проектов, отвечающих интересам Казахстана.

Сейчас трудно прогнозировать, насколько эффективными будут все те меры и способы противодействия, которые мы предпринимаем и будем предпринимать, чтобы отвести угрозу глобального наркобизнеса и наркомафии от Казахстана.

Особенно если учесть, что вся внутренняя борьба с наркобизнесом, который находится в Казахстане в пока еще зачаточном и неразвитом виде, не приведет к желаемым и позитивным результатам, если она не будет рационально и неукоснительно решаться на международном уровне, без подавления наркобизнеса в среде, в которой она кормится и процветает – в основных странах-производителях и ведущих странах-потребителях наркотиков и психотропных веществ. Но сейчас ясно одно – чрезвычайная опасность со стороны международного наркобизнеса для настоящего и будущего суверенного и прогрессирующего Казахстана совершенно очевидна.

И одно только осознание повышенной степени этой международной опасности и надвигающихся угроз со стороны экстерриториального и внутриреспубликанского наркобизнеса должно являться для нас своеобразным и безусловным *casus belli* (формальным поводом) для решительной и бескомпромиссной борьбы с наркотрафиком и потенциальной угрозой превращения Казахстана в страну массового производства наркотиков и психотропных веществ.

Часть IV

**КАСПИЙ МЕЖДУ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ**

Если обратиться к давним и не столь давним временам, то, говоря о Каспии и его берегах, можно заметить одну особенность: исторические хроники, мифология и легенды одних и тех же народов относились к Каспию диаметрально противоположно: то возвеличивая, то всемерно принижая его. И в любом случае, описание и характеристика Каспийского моря неизменно окрашивались в некие мистические полутона.

Древние греки, например, одновременно считали Прикаспий своей прародиной, центром земли и в то же время окраиной земли. Именно там Прометей донес живительный огонь грекам и там же в наказание был прикован к Кавказским горам. Некоторые исследователи даже полагают, что на берегах Каспийского моря находилась древнейшая цивилизация, чьи города были затоплены разлившимся Каспием, уровень которого постоянно колебался в разные исторические эпохи. Недаром, согласно библейским преданиям, Ноев ковчег нашел свое пристанище на горе Арарат.

В то же время Александр Македонский, вышедший на Прикаспийскую низменность, считал Каспийское море неким болотом, совершенно не заслуживающим какого-либо внимания и северной окраиной ойкумены, за

водами которой находятся пустынные и неза-
селенные земли.

Тем не менее, в истории многих стран и народов, в их мифологии и культуре Каспий всегда фигурировал как некая знаковая величина, которая символизировала или начало, или конец микрокосмоса и мировоззрения отдельного этноса или государства.

Таким образом, Каспий считался своего рода областью пересечения всех мировых цивилизаций и религий. Как образно выразился по этому поводу Велимир Хлебников: *«Каспий – это треугольник Христа, Мухаммеда и Будды»*.

С другой точки зрения, Каспий – остатки огромного праокеана Тетис, находящегося в самом центре праматерика Гондвана.

Этот реликт доисторической эпохи сегодня является самым большим внутренним водоемом планеты.

Совсем недавно Каспийский регион считался своего рода геополитической периферией. Туманные оценки потенциальных энергоресурсов Каспийского шельфа и континентального Прикаспия составляли своего рода «каспийскую мифологию», которую считали только необузданной и недостоверной попыткой повышения престижа самого географического региона.

Что же собой представляет Каспийский регион в настоящий момент?

Для более четкого понимания попытаемся определить, применимо ли понятие геополитического региона к Прикаспию, можно ли говорить о его геополитической самостоятельности?

На этот счет есть несколько вариантов, каждый из которых представляет определенную точку зрения на Каспийский регион, имеющуюся среди экспертов.

С точки зрения одной из экспертных групп, Каспий – это уникальная «кладовая» энерго- и биоресурсов планеты со специфической экосистемой.

Привлекающий мировые геоэкономические, экологические и биохозяйственные интересы, Каспий выглядит обособленным геополитическим регионом, способным объединиться в некую общность. Этому также способствует разделяемая всеми приграничными странами точка зрения о совместном использовании толщи воды. В силу этого Каспийский регион представляется как стратегический форпост, являющийся важным элементом геополитической ситуации в Центральной Евразии.

Вторая точка зрения рассматривает Каспийский регион как составляющую часть северного ареала так называемой глобальной

«дуги нестабильности», простирающейся от Алжира до Юго-Восточной Азии, проходящей через Балканы, Ближний Восток и Кавказ, Афганистан, Кашмир.

С точки зрения третьей группы экспертов, Прикаспий – это пограничный регион, находящийся на стыке Кавказа, Среднего Востока, России и Центральной Азии. Соответственно он является границей между христианской, исламской и буддийской цивилизациями.

Некоторые эксперты используют понятие «Большая Центральная Азия». Они включают в него внутренние пространства Евразии, бассейны Каспийского и Аральского морей, бессточные области в центре континента и ограждающие их горные системы, включая в него западные рубежи – Хорасан (Восточный Иран), Кавказ и Волго-Каспийский бассейн.

С точки зрения политической географии, Каспийское море является периферией крупной системы приморских регионов – одной из составляющих системы, начинающейся в Атлантическом океане и охватывающей через Средиземное и Черное моря сразу несколько регионов.

Данный макрорегион включает в себя несколько крупных морских узлов, которые по своей значимости образуют своеобразную иерархию. По сути своей, моря являются тем

материалом, который сшивает между собой отдельные фрагменты единого геополитического пространства, которое распространяется от Северо-Западной Атлантики на западе до Казахстана, России и Кавказа на востоке. Соответственно, Каспийское море можно назвать входом или воротами этой системы. В данной иерархии Каспий занимает в некоторой степени периферийное место.

Вместе с тем, поскольку Каспийский регион сегодня выступает потенциальной зоной нестабильности, некоторыми экспертами высказывается мнение, что Прикаспий – это аналогичная Ближнему Востоку некая геополитическая «черная дыра».

Такой вывод детерминируется воздействием ряда факторов, связанных с наличием огромных запасов углеводородного сырья, что рассматривается одним из побудительных мотивов к столкновению на этой основе интересов ряда как великих, так и региональных держав.

Сюда же добавляются нынешняя нерешенность правового статуса Каспийского моря, наличие противоречий между отдельными прикаспийскими государствами о принадлежности некоторых месторождений шельфа, споры о приоритетных маршрутах транспортировки каспийской нефти и т.д.

Ясно, что все богатства Каспия можно использовать только в том случае, если прикаспийские страны будут уважать интересы друг друга.

К сожалению, сейчас назвать складывающуюся в огромном регионе обстановку абсолютно безопасной не представляется возможным (хотя бы из-за событий в Афганистане). Придется приложить еще немало сил, вырабатывая совместные решения, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Политико-географическое регионарирование тесно связано с региональной геополитической парадигмой, которая, в свою очередь, зависит от важнейших исторических событий, имевших место в ближайшей истории.

Нетрудно заметить, что со времени распада СССР геополитическая важность Каспия становится все выше.

После 11 сентября 2001 года с началом международной антитеррористической кампании резко возросло значение Каспия для западных стран.

Это особенно четко видно в последнее время. Почему это происходит? Давайте сделаем определенные обобщения, которые позволят нам составить общее представление об этой тенденции. Итак.

Во-первых, изменилась общая геополитическая ситуация в мире в связи с терактами в США, которые усилили на Западе тенденцию к снижению своей энергетической зависимости от Ближневосточного региона.

Во-вторых, в целом неустойчивой является ситуация на мировом энергетическом рынке. Усиливается конкуренция между основными поставщиками нефти на мировые рынки.

В-третьих, приближается период эксплуатации основных энергетических запасов Каспия. Разведывательные работы на каспийском шельфе вступают в заключительную стадию. Карта каспийских ресурсов становится более открытой, обозначились наиболее привлекательные нефтеносные районы.

Как следствие, все это усиливает геополитическую борьбу вокруг Каспийского региона.

Отмечу, что в этот процесс, в силу объективных обстоятельств, оказывается втянут целый ряд государств. Наиболее остро на Каспии сталкиваются жизненно важные интересы нескольких «центров силы» – США, России, Китая, ЕС, Турции, Ирана, стран Персидского залива.

Без сомнения, об этом также свидетельствуют активизация западной дипломатии в Закавказском регионе, расширяющей анти-

террористическое сотрудничество, проведение на Каспии в августе 2002 года самых крупных за последние 10 лет российско-казахстанских военно-морских учений, включение США крупнейшего прикаспийского государства – Ирана в так называемую «ось зла».

В этой связи, как мне представляется, учитывая основные точки зрения на определение «геополитических координат» Прикаспия, в целом этот регион можно охарактеризовать как своего рода «геополитические ворота» по линиям Север-Юг и Восток-Запад.

При этом его не следует рассматривать отдельно от геополитической ситуации в сопредельных регионах.

Должен обратить на это внимание, что в целом уже в силу этого стратегическая стабильность в регионе в среднесрочный период будет зависеть не от энергетических или экологических аспектов, а от изменения геополитического расклада вокруг Каспия.

Итак, становится бесспорным тот факт, что геополитическая значимость Каспия и Прикаспийского региона сегодня неуклонно повышается. И традиционно подавляющая роль в таком повышенном геополитическом признании отводится как обнаруженным, так и прогнозным оценкам запасов энергоемких

углеводородов и природного газа на морском шельфе Каспия и в континентальной части Прикаспийского региона. С одной стороны, может показаться, что имеется определенное несоответствие между нефтегазовыми запасами Каспия и повышенным вниманием к этому внутреннему водоему. Но можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны.

Несомненно, что относительно таких игроков-регионов на рынке мирового «черного золота», как Персидский залив, углеводородные энергоресурсы Каспийского моря выглядят достаточно скромно.

Но нам следует учитывать, что подавляющее большинство прикаспийских стран, то есть стран, непосредственно граничащих с Каспийским морем, являются достаточно крупными поставщиками нефти и газа на мировые рынки энергоносителей. Так, Россия и Иран практически входят в первую мировую пятерку стран-поставщиков нефти и газа. Так, по оценкам некоторых специалистов, сегодня именно Россия является самой крупной страной-экспортером нефти. В свою очередь, Республика Иран занимает твердое третье место в иерархии мирового экспорта – после Саудовской Аравии.

Поэтому каспийские запасы углеводоро-

дов могут стать тем довеском, который может качественно изменить картину на мировом рынке энергоносителей. Именно благодаря Каспию некоторые государства могут официально переместиться на первые места в иерархии основных стран-поставщиков нефти. И здесь не следует забывать, что именно распределение мест в этой системе играет существенную роль в геополитическом престиже стран-экспортеров нефти.

И, как следствие этого неофициального соревнования, в геополитической ситуации вокруг Каспия сегодня вырисовывается новая интрига.

Все более значительной становится роль России в регионе.

На сегодня все крупные каспийские транспортные коридоры ведут в одном направлении – на Россию. И только через нее каспийская нефть попадает на западные рынки. Газ из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана также идет на экспорт через российскую территорию.

Оживление строительства магистральных нефтепроводов началось с постепенного прогресса в деятельности КТК.

Затем государственная компания «Транснефть» развернула и весной 2000 года завер-

шила прокладку отрезка нефтепровода Баку–Новороссийск, минуя Чечню, по территории Дагестана. Тем самым было обеспечено беспрепятственное поступление на терминалы Новороссийска азербайджанской нефти.

В 2000 году были определены еще два приоритетных направления магистральных нефтепроводов: Балтийская трубопроводная система и магистраль в обход Украины на Новороссийск по маршруту Суходольная–Родионовская

Через Балтийскую трубопроводную систему нефть Урала и Сибири будет более коротким и дешевым путем поступать на строящиеся терминалы российского Приморска на Балтийском море, а не в порты Латвии и Литвы.

Если эти проекты будут полностью реализованы, то та же Балтийская трубопроводная система позволит обрабатывать более половины нефти, перегружаемой сейчас в портах стран Балтии.

Пропускная способность первой очереди Балтийской трубопроводной системы – 12 млн. тонн нефти в год. Она предполагает строительство 270 км нефтепровода, нефтеналивного терминала и нефтехранилищ. Введение в строй второй очереди проекта позволит увеличить пропускную способность сис-

темы еще на 17 млн тонн нефти в год с перспективой доведения ее до 32 млн. тонн.

Протяженность нефтепровода Суходольная–Родионовская составляет 250 км, что на 100 км короче нынешнего маршрута через территорию Украины с пропускной способностью 26 млн. тонн нефти в год. Стоимость проекта – 180 млн. долл. Строительство будет завершено уже в ближайшее время.

С ростом добычи нефти на казахстанской части каспийского шельфа, примерно к 2010 году, может встать вопрос о строительстве еще одной нитки нефтепровода вдоль КТК.

Помимо этих уже реализуемых проектов, существует план прокладки нефтепровода через территорию нескольких европейских стран в хорватский порт Омишаль на Адриатике. В полном соответствии с проектом «Дружба–Адрия».

Также следует учесть планы «Газпрома» в области экспортной политики, прежде всего, уже начатую прокладку первого участка газопровода «Ямал–Европа» через Беларусь в обход Украины и крупнейший проект «Голубой поток» в Турцию по дну Черного моря.

Российские компании, закончив распределение нефтегазовых ресурсов внутри России, все активнее осваивают Каспийский регион.

Разумеется, что США в последнее время также уделяют огромное внимание Каспийскому региону.

В подходах нынешней администрации Белого дома значение Каспийского региона очевидно.

Роль региона в энергетической стратегии США возрастает.

Это выражается, в частности, в следующем:

- по-прежнему поддерживается проект строительства трубопровода Баку–Джейхан;
- оживление интереса Вашингтона к региону произошло в результате обнаружения значительных запасов углеводородов на месторождении Кашаган.

Это активизировало деятельность США, в том числе через привлечение возможностей европейских инвесторов, работающих на рынке Казахстана.

Каждая заинтересованная сторона прекрасно осведомлена о потенциальных богатствах Каспия.

Действительно, по оценкам, доказанные запасы нефти составляют 4–6 млрд. тонн или 3% мировых запасов. Уже в настоящее время объем добычи каспийской нефти составляет 1,5% мирового или 4% стран Ближнего Вос-

тока. В целом, производственный потенциал Каспия к 2010 году оценивается в 150–200 млн. тонн или 12% от производственных мощностей стран Ближнего Востока к тому же периоду.

Кроме того, минеральные ресурсы Каспия достаточны для того, чтобы развернуть здесь целый ряд высокоэффективных производств и промышленных комплексов. Так, прибрежные прикаспийские страны (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран) пытаются решить свои экономические проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок. Поэтому, должен заметить, что стратегия прикаспийских государств строится на масштабном привлечении иностранных инвестиций на развитие топливно-энергетического комплекса в регионе. Так, к примеру, в разработке каспийской нефти и газа сегодня участвуют около 40 компаний, в том числе 11 – США, 5 – Японии, 4 – Англии, 3 – Франции, Турции, 2 – Норвегии, 1 – Италии, Германии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, Финляндии, Аргентины, Сингапура, Малайзии, Австралии и др.

Кроме того, нельзя не отметить и тот факт, что Каспийский регион находится в самом центре новой системы коммуникаций. Через регион проходят транспортные коммуникации

международного значения: коридоры «TRASECA», «Север–Юг», ТАС ВОЛС, воздушные пути сообщений, которые в перспективе могут играть важную роль в транспортно-коммуникационном сообщении на Евразийском континенте. Возрастает транзитное значение региона между Востоком и Западом, Севером и Югом. Время транспортировки значительно сокращается по сравнению с нынешним морским путем.

Каспийский регион – это новая, еще формирующаяся часть евразийской экономики. Каспий имеет определенные экономические перспективы для развития регионального сотрудничества по ряду направлений.

Европа заинтересована в диверсификации импорта нефти и газа, в уменьшении зависимости от стран Ближнего Востока. Турции, испытывающей острый дефицит в энергосырье, чрезвычайно выгоден проект прокладки нефтепровода из Каспия. В данном направлении нефтепровода Турция конкурирует с Россией и Ираном.

Интересы Ирана в южном направлении транспортировки энергоресурсов конкурируют с интересами России.

В восточном направлении углеводороды Каспия представляют интерес для Китая.

Уже на протяжении 10 лет его зависимость от импорта постоянно растет. Значительную часть энергоресурсов он получает из района Персидского залива и из Юго-Восточной Азии. Поэтому для Китая неизбежно обращение к энергоресурсам Сибири и Каспийского региона.

Возможность стать важным сегментом трансконтинентальных транспортных систем как по линии Север-Юг, так и Восток-Запад. В среднесрочной перспективе не следует ожидать бурного развития в данном направлении.

Экономическое положение пока не позволяет прикаспийским странам реализацию крупных проектов (строительство железных и автомобильных дорог), представляющих международное значение. Инерционность развития обусловлена также затяжным характером процессов достижения межгосударственных соглашений по созданию организационно-правовых условий для продвижения транзита, унификации транспортных, таможенных и других процедур.

В настоящее время в Каспийском регионе соперничают в конкурентной борьбе за сферы влияния несколько основных группировок международного капитала.

Влияние крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) сосредоточено на геополитических вопросах, связанных с направлением прокладки новых трубопроводов и правом разработки нефтяных и газовых месторождений в Каспийском море. Вопросы, касающиеся трубопроводов, являются особенно сложными, учитывая определенную нестабильность в Закавказье.

Казахстанский сектор считается самым перспективным нефтяным регионом на шельфе. В целом, на казахстанском участке каспийского шельфа работают более десятка ведущих ТНК, среди которых такие гиганты, как Тексако-Мобил, Би Пи Амоко, Шелл, Шеврон и др.

Наибольшую активность на Каспии проявляют американские ТНК. Американский капитал контролирует АМОК – главного координатора работ по азербайджанской части каспийского шельфа, которому принадлежит также важная роль и в окончательном определении магистрального направления Каспийского трубопроводного консорциума.

Самостоятельную и весьма активную роль в Каспийском регионе играла и играет корпорация Шеврон. Важно отметить, что Казахстан и Шеврон были заинтересованы друг в друге

в равной степени. Шеврон, сделав большие инвестиции в подготовительные и начальные работы в Западном Казахстане, планирует крупные инвестиции и в будущем.

Западные эксперты напрямую связывают повышение котировок акций Шевра с заключением Тенгизского контракта. Казахстан, широко разрекламировав этот контракт, сделал на него одну из главных ставок в выходе страны из экономического кризиса, так как само присутствие Шевра в республике является весомой гарантией для множества других частных зарубежных инвесторов.

Помимо США, в проекты по освоению каспийской нефти активно вовлечены и ТНК других стран Запада, прежде всего Франции, Италии и Великобритании.

Интерес ведущих ТНК обусловлен не только богатыми запасами углеводородов, делающими Каспийский регион вторым производителем нефти в мире после Персидского залива, но и открытостью нефтегазового сектора в прикаспийских странах для западных компаний (в отличие от, например, Ирака и Ирана). Решение прикаспийских республик открыть доступ иностранным компаниям к освоению нефтегазового сектора связано, во-первых, с нацеленностью внешнеэкономичес-

кой политики этих стран на расширение числа своих внешнеторговых партнеров, увеличение количества транзитных путей для транспортировки нефти и газа.

Для нас же одним из главных обстоятельств широкого привлечения крупнейших мировых нефтяных корпораций к освоению Каспия было использование новейшей технологии.

О наличии колоссальных запасов нефти на Каспии было известно еще в советское время. Но у советских нефтяников не было опыта работы с таким огромным давлением: более 800 атмосфер при таком высоком содержании серы в нефти. Такие технологии на тот период времени были важным козырем крупнейших транснациональных корпораций.

Для реализации этой цели требуются новые производственные мощности и нефтепроводы, и сегодня только иностранные инвесторы могут предоставить для этого необходимый капитал.

Сегодня очевидно, и мы вынуждены это констатировать, что экологическое равновесие бассейна Каспийского моря нарушено. Неумеренная и длительная антропогенная деятельность привела здесь к таким нарушениям баланса экологической системы, что для

ее восстановления потребуются десятилетия, которых у Каспия нет – его ждет тотальное освоение углеводородных запасов шельфа, возможная прокладка подводного каспийского трубопровода.

Учитывая изложенное, на современном этапе деятельность по разведке и разработке минеральных ресурсов на шельфе должна быть увязана с достижением между прибрежными государствами принципиальной договоренности о сотрудничестве в регионе с целью предотвращения загрязнения.

Совершенно очевидно, что стратегическим интересам всех прикаспийских государств с учетом практической исчерпаемости углеводородных ресурсов должен отвечать осторожный подход к их освоению с обязательным соблюдением всех экологических требований и безусловным сохранением экосистемы и биосистемы Каспийского моря.

Итак, в свете современных геоэкономических перспектив и общих мировых тенденций к росту потребления традиционных источников энергии, можно утверждать, что геополитическое значение Каспийского региона в мировом сообществе в среднесрочной перспективе будет только усиливаться.

На это, без сомнения, указывает ряд об-

стоятельств, которые вполне можно выделить в отдельные категории.

Прежде всего, это связано с современными тенденциями на мировом энергетическом рынке и углеводородными запасами Каспия.

Несмотря на то, что ряд компаний, например, Shell и British Petroleum, пытаются сегодня моделировать свою стратегию с учетом возможных изменений на мировом энергорынке и прикладывают усилия к развитию альтернативных источников энергии, общая тенденция остается благоприятной для экспортеров нефти.

Стоит заметить, что Exxon Mobil, нефтяная компания № 1 в мире, концентрируется в основном на нефти и газе и обращает гораздо меньше внимания на новые источники энергии и использование нетрадиционных методов сохранения окружающей среды.

Поэтому вряд ли есть смысл говорить о реальных перспективах смены невозобновляемых источников энергии на возобновляемые в мировом масштабе в обозримом будущем. Скорее всего, этот вопрос станет актуальным, только тогда когда природные запасы энергоносителей полностью истощатся.

Добавлю, что той же идеологии, что и Exxon, придерживаются и российские компании.

Таким образом, как мне представляется, в будущем возможны два сценария изменения структуры энергопотребления в мире. Причем первый из них максимально вероятен. Второй вероятен гораздо менее, нежели первый.

1. Консервативный сценарий. В соответствии с этим сценарием, произойдет углеводородный сдвиг от угля и нефти к газу, затем к возобновляемым источникам энергии, а, возможно, и к ядерной энергетике.

2. Революционный сценарий. Данный вариант предполагает, что уже в ближайшие десятилетия будет реализован потенциал развития водородной экономики, которая базируется на топливных ячейках и усовершенствованных водородных технологиях. Эти технологии позволяют производить электричество из водорода, не отравляя при этом окружающую среду вредными выбросами.

Если произойдет прорыв в водородных технологиях, то традиционные источники энергии потеряют свои позиции. В этом случае уже с 2025 года начнется значительное сокращение потребления нефти.

Таким образом, в любом случае, для доминирования нефти в мировом энергопотреблении остается отрезок времени примерно в 20–30 лет.

Исходя из этого, нефтяные компании в среднесрочной перспективе по-прежнему будут заинтересованы в разработке перспективных месторождений. Запасы Каспия в этом плане будут занимать одно из важнейших мест в их политике.

Несомненно, что наши усилия по созданию зоны безопасности на Каспии должны включать ряд адекватных действий на потенциальные угрозы.

В целом, геополитическая динамика последних нескольких лет свидетельствует о неустойчивости геополитических раскладов в регионе.

Кроме того, с началом международной антитеррористической кампании регион приобрел еще большую значимость. Это не может не сказаться на зависимости региональной конъюнктуры от успехов или неудач антитеррористической кампании.

В любом случае актуальность каспийской проблематики и значимость региона продолжат увеличиваться.

Как известно, в регионе усиливается напряжение. Без сомнения, ключевыми факторами этого выступает ряд показательных фактов: иранско-азербайджанский инцидент 2001 года, наличие спорных территорий меж-

ду Туркменистаном и Азербайджаном, американские санкции в отношении государств, сотрудничающих с Ираном в военной и экономической областях.

Все это говорит о том, что без активной миролюбивой инициативы процесс регионального сближения практически невозможен.

В этой связи Казахстан должен занять созидательную, миролюбивую и конструктивную позицию и стремиться к поддержанию и укреплению уровня доверия в регионе.

В будущем необходимо рассмотреть каспийскую проблематику на СВМДА, обозначив в качестве цели *формирование мер доверия на Каспии*.

Требуется серьезного осмысления возможный *«Пакт стабильности на Каспии»*, ключевыми идеями которого могли бы стать декларация *об отказе использовать военную силу на Каспии* (можно подписать такую Декларацию со всеми прикаспийскими государствами сначала на двухсторонней, а затем на многосторонней основах).

Назревает вопрос о создании прикаспийской региональной антитеррористической структуры.

Как известно, помимо страдающей экологии Каспия, существует проблема использо-

вания фактора «экологического давления», то есть использование неточных знаний об экологической обстановке в регионе в политических целях.

Очевидно, что решение экологических проблем Каспия невозможно без активного участия как государственных институтов, так и международных корпораций. Безопасность региона будет жестко детерминирована экологическим фактором, если под безопасностью понимать не только состояние военно-политических структур, но и безопасность самой среды обитания народов Каспия.

Часть V

ПУТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Понятие «коллективная безопасность» сегодня стало повседневным термином, используемым в вопросах внешней политики суверенных государств. Количество союзов и организаций, основанных на коллективной безопасности в разных регионах планеты растет так же быстро, как растет количество реальных и потенциальных угроз собственно национальной безопасности. Однако сам термин «коллективная безопасность» трактуется зачастую весьма вольно, недостаточно корректно или в довольно узком значении.

Настало время, когда необходимость коллективной безопасности поставила во главу угла вопрос о дальнейшем развитии и существовании новых субъектов независимости на карте мира. После распада Советского Союза и Варшавского договора, как геополитических систем региональной и глобальной безопасности, в воздухе над «парадом суверенитетов» с каждым днем стал сгущаться конфликтный потенциал. В той или иной точке на территории бывшего Советского Союза стали возникать местные очаги противостояния, начиная от обострения межнациональных конфликтов и доходящих до полномасштабных гражданских войн. Неустойчивость границ, процессы национального возрождения, споры о наследстве Советского Союза, попытки

установления новых сфер влияния фактически превратили территорию в один большой очаг напряженности, который, в конце концов, мог действительно превратиться в одну огромную «дугу нестабильности» с далеко идущими катастрофическими последствиями для многих государств, народов и наций.

Именно в такой напряженной атмосфере стали предприниматься шаги к путям всеобщего примирения и поискам систем коллективной безопасности, которые бы не позволили превратиться огромному региону Евразии во «вторые Балканы».

Начались трудные и долгие поиски такой системы безопасности на территории СНГ, которая бы могла не только обеспечивать режим ненасилия между членами Содружества, но и стать превентивной мерой для предотвращения внешнего агрессивного воздействия на пока еще не до конца сформировавшиеся государственные суверенитеты.

Такие системы коллективной безопасности, пусть и несовершенные, существуют до сих пор и так или иначе если не решают современные проблемы, то, по крайней мере, служат дальнейшим толчком и стимулом для поисков механизмов более эффективной системы взаимной безопасности членов Содружества.

Если ранее, на первых этапах становления устойчивого Содружества, стоял вопрос о предотвращении внутренних конфликтов, связанных с взаимными претензиями бывших республик и неурегулированностью межгосударственных отношений, то сегодня остро стоит вопрос о коллективном противодействии внешним угрозам, грозящим дестабилизировать ситуацию на всем пространстве СНГ. Особенно это касается южных регионов СНГ, которые перманентно испытывают давление со стороны горячих геополитических очагов дестабилизации, как, например, Афганистан или агрессивные формы религиозного экстремизма.

И сегодня нет никаких оснований утверждать, что ситуация в этом отношении окончательно стабилизировалась. Так, на смену старым угрозам постоянно возникают новые, да и старые проблемы вовсе не канули в небытие.

Так, к примеру, было бы ошибкой утверждать, что процесс нормализации политической обстановки в Афганистане снял с повестки дня или значительно ослабил вопрос о необходимости создания системы коллективной безопасности в Центральной Азии.

Учитывая сложную и далеко не определенную ситуацию в Афганистане, которая характеризуется продолжающейся борьбой за

власть между разными группами, невозможно гарантировать, что опасности новых рецидивов более не существует.

Поэтому, несмотря на ныне действующие системы коллективной безопасности, оформленные между членами СНГ и рядом других региональных государств, вопрос о более совершенной и исчерпывающей системе коллективной безопасности в регионе и сегодня стоит довольно остро.

Неизменное стремление к сотрудничеству служит главным двигателем эволюции контуров взаимной или коллективной безопасности – от пока еще робких шагов по нащупыванию оптимальных вариантов до создания совершенной и эффективной системы коллективной безопасности, обеспечивающей надежную защиту от внутренних и внешних угроз всех прямых участников этого долгого и сложного процесса.

Первый конкретный организационный шаг на пути локализации имеющихся и потенциальных конфликтов был сделан 15 мая 1992 года, когда Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан подписали в Ташкенте *Договор о коллективной безопасности (ДКБ)*, вступивший в силу после ратификации 20 апреля 1994 года со сроком действия в течение

последующих пяти лет. Впервые на геополитическую арену вышел военно-политический союз государств, сформированный на качественно новой основе – добровольном желании участников к миротворчеству и подавлению конфликтов на всей охваченной территории стран-участников.

Еще на предварительном этапе принятия и заключения договора проявился именно военный характер блока ДКБ: в декабре 1991 года в Минске были подписаны соглашения о совместных Вооруженных Силах и пограничных войсках государств Содружества Независимых Государств.

Военный характер вновь образованного блока был не только подтвержден, но и создал определенные надежды на национальную безопасность у ряда других стран СНГ.

Азербайджан и Грузия в это время испытывали серьезный военно-политический кризис, связанный с карабахским и абхазским конфликтами. Возлагая небезосновательные надежды на миротворческий авторитет Договора о коллективной безопасности заявку на членство в сентябре 1993 года подал Азербайджан (совместно с Белоруссией) и чуть позже, в декабре, к Договору присоединилась Грузия.

Работа по укреплению режима ДКБ про-

должалась непрерывно, иницируя новые соглашения в рамках Договора. Так, 10 февраля 1995 году было подписано соглашение о создании Объединенной системы Противовоздушной обороны в рамках ДКБ и одновременно принята «Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ».

Разумеется, модель безопасности, предложенная в рамках ДКБ, была далека от совершенства и фактически только демонстрировала возможность мирного диалога между участниками и их осознание, что нарушение политических границ отдельного суверенитета угрожает существованию всего Содружества. Сам же текст и дух Договора о коллективной безопасности, к сожалению, ничего не говорит о мерах, которые должны быть предприняты в случае конфликта между самими участниками ДКБ. В основном упор делается на безопасность внешних границ по периметру Содружества, что, разумеется, никак не разрешает более вероятные внутренние конфликты между членами ДКБ.

С точки зрения межгосударственной безопасности стран СНГ многие считали, что двухсторонние соглашения в этом отношении являются более эффективными, чем сам Договор о коллективной безопасности.

Эти и ряд других соображений политичес-

кого характера привели к тому, что в 1999 году, по окончании пятилетнего срока действия первоначального Договора, ряд стран, т.е. Азербайджан, Грузия и Узбекистан, не подписали Протокол о продлении ДКБ, тем самым формально выйдя из него.

Однако в последнее время, после временного кризиса, Договор о коллективной безопасности получил новые импульсы для развития и максимальной интеграции в ДКБ все большего количества участников. За короткий период с 2000 по 2001 годы была проведена огромная работа по детальной проработке механизма действия ДКБ и концептуальном уточнении и конкретизации многих пунктов самого текста Договора.

К сегодняшнему дню можно сказать, что создано полноценное правовое поле для эффективного и конструктивного функционирования Договора о коллективной безопасности. Приняты Меморандум о повышении эффективности ДКБ и Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение силы и средств коллективной безопасности. Создан Комитет секретарей Советов Безопасности. Утверждены Соглашения о статусе формирования сил и средств системы коллективной безопасности и Решение о создании Коллективных сил быстрого раз-

вертывания Центральноазиатского региона. За 2000 и 2001 гг. удалось значительно повысить эффективность Договора за счет детальной проработки механизмов его функционирования.

К числу принципиальных документов, сформировавших правовое поле, можно отнести Меморандум о повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, Решение о создании Комитета секретарей Советов Безопасности, Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности, Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности, Протокол о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности.

Особо следует отметить создание в мае 2001 года на сессии Совета коллективной безопасности Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона. Уровень нестабильности в южных районах Центральноазиатского региона значительно возрос. Кроме того, уже наблюдались случаи вторжения групп боевиков из Афганистана и Таджикистана в Кыргызстан и Узбекистан. Поэтому, могу утверждать это с достаточным

основанием, создание таких сил является более чем своевременной мерой.

Таким образом были решены не только вопросы организации и выработаны концептуальные аспекты, но работа самого ДКБ фактически перешла в практическую плоскость. Уже стало нормой проведение ежегодных командно-штабных и полевых учений в рамках Договора, в которых, кроме стран-членов ДКБ, участвуют военизированные подразделения Узбекистана и Украины. Это касается таких полномасштабных учений, как «Южный щит Содружества», «Боевое содружество» и «Юг-Антитеррор». Кроме этого, постоянно проводятся учебные тренировки спецподразделений Коллективных сил быстрого развертывания.

Усиление военной составляющей ДКБ, безусловно, является свидетельством его миротворческого потенциала. Ведь в такого рода военном взаимодействии отрабатываются не только варианты отражения внешней угрозы, но и схемы подавления внутренних конфликтов, которые могут быть инициированы в результате факторов внутреннего характера. Например, противодействие терроризму или оперативная борьба с наркотрафиком.

Другое дело, что на протяжении своей истории ДКБ испытал серьезный кризис, свя-

занный с событиями в Афганистане. В первую очередь, это было связано с тем, что ДКБ не отреагировал вовремя на действия антитеррористических сил в Афганистане и тем самым упустил инициативу по стабилизации ситуации в регионе и не подтвердил свои полномочия как силового органа, призванного обеспечить и поддерживать коллективную безопасность.

Во многом такая ситуация стала результатом незавершенности работ по структурной организации ДКБ и учету всех аспектов ее работы.

Так или иначе, в 2002 году произошло значительное усиление организационной составляющей Договора. 14 мая 2002 года в Москве было подписано Соглашение о создании Организации Договора о коллективной безопасности. Основной акцент, как и в первоначальном варианте ДКБ, был сделан на военно-техническом сотрудничестве, который в отдельных случаях получил более конструктивные формы. Так, к примеру, был решен важный момент: издержки на усиление Вооруженных Сил членов ДКБ были значительно снижены за счет поставок оружия российского производства по льготным ценам. Это позволило приступить к более эффективным программам модернизации Вооруженных Сил и

приступить к созданию достаточно сильного военного потенциала ДКБ.

Мы еще только стоим на пути создания общего военно-политического пространства, охватывающего участников ДКБ. Во многом мы еще не достигли такого уровня военно-политической интеграции, когда можно сказать, что полноценная система коллективной безопасности на территории стран СНГ создана.

Нас, страны ДКБ, объединяет очень многое, но в то же время слишком многое и разъединяет.

Внутренний конфликтный потенциал невозможно ослабить или снизить только военными методами и силовыми решениями. Это вопрос не только военный, это вопрос экономической, социальной и культурной интеграции, когда взаимные противоречия будут настолько снижены, а точки соприкосновения настолько объединяющими, что вопрос о применении силы для миротворчества внутри Договора можно будет считать излишним.

Как мне представляется, большим потенциалом миротворчества и безопасности обладает Шанхайская Организация сотрудничества, образованная 15 июня 2001 года на базе «Шанхайской пятерки» и включающая 6 государств – Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россию, Таджикистан и Узбекистан.

Если рассматривать чисто организационные моменты, то отмечу, что за время существования ШОС (в том числе «Шанхайской пятерки») прошло 7 встреч на высшем уровне с участием президентов стран-участниц и подписан ряд официальных документов. Пожалуй, самый важный из них связан с 7 июня 2002 года, когда в Санкт-Петербурге с подписанием Хартии, основного уставного документа ШОС, было фактически завершено организационное оформление этого военно-политического образования.

Знаменательно, что ШОС на сегодня позволила решить ряд вопросов: снять неопределенность и напряженность в отношениях между его участниками, урегулировать пограничные вопросы, создать форум для постоянного обсуждения и налаживания отношений.

Как мне представляется, в этой ситуации сам факт вхождения в региональную систему безопасности Антитеррористической коалиции, при эффективности ее действий по стабилизации военно-политической обстановки в регионе, не может быть квалифицирован как случайность.

Фактически Антитеррористическая коалиция заполнила собой те уязвимые окна в системе региональной безопасности, которые не

могли быть закрыты существовавшими военно-политическими структурами.

Замечу, что причин такому развитию ситуации в региональной системе безопасности и ее военно-политических структур много, и большинство из них лежит в особенностях геополитического, экономического, внутриполитического и военного развития стран региона и воздействия этих же процессов в мировом масштабе.

Итак, оценка и определение перспектив региональных военно-политических союзов, таких как, например, ДКБ и ШОС, в первую очередь, должны учитывать тот факт, что Центральная Азия – это вновь нарождающееся геополитическое пространство.

Нетрудно заметить, что Центральноазиатский регион по сей день находится в процессе формирования своей внутренней архитектуры и поиска своего места в общей глобальной архитектонике. Тем не менее, регион не самодостаточен, не до конца сформировался как геополитическое образование, отсюда и наличие здесь множества нерешенных проблем, противоречий, которые препятствуют полноценному, стабильному развитию ДКБ, ШОС и в целом всей системы региональной безопасности.

В конце концов, будучи частью бывшего

единого союзного организма, с его политической, экономической, военной и социокультурной системой жизнеобеспечения, Центральноазиатский регион после распада СССР оказался в сложном положении.

Приведу и другую фундаментальную проблему – *это развитие географического разлома внутри бывшего единого геополитического пространства.*

Чтобы пояснить, что означает это утверждение, обращусь к фактам и создавшейся геополитической действительности. В самом деле, в результате распада СССР сегодня наблюдается *восстановление геополитического единства нескольких объективно взаимосвязанных «плоскостей»* — Центральной Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии.

И, как мне представляется, в рамках этой конструкции более уместно говорить о «Большой Центральной Азии», куда я, помимо Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, также отношу и часть Кавказа.

Итак, этот регион охватывает зону, простирающуюся от устьев Волги и Дона через горы, связывающие Черное и Каспийское моря, Европу и Азию, до степей Монголии и Китая, за что он, собственно, и получил на

Западе названия «Южный Пояс» или регион «Великого Шелкового пути».

Тем не менее, чтобы не впасть в заблуждение, необходимо отметить, что хотя составные части «Большой Центральной Азии» очень различны, их нельзя автономизировать, исходя из экономических, военных и геополитических взаимосвязей этих регионов. И, как дополнение к этому, важнее всего следует все-таки оценивать роль этих взаимосвязей в контексте геополитических интересов основных центров силы, включая Запад, Россию, Иран, Турцию, Китай, в меньшей степени – Индию и Пакистан. Такой подход, как мне кажется, позволит раскрыть истинную возрастающую ценность региона в глобальном масштабе.

В общем, на практическом уровне проблемы географического разлома проявляются в слабой военно-политической консолидации центральноазиатских стран.

Не могу не отметить, что в более широком формате страны-участники ДКБ и ШОС сегодня строят свою политику, в первую очередь, исходя из своего геополитического и субрегионального расположения. В связи с этим отдельные государства-участники не желают принять на себя обязательства, не соответствующие принципам рационального поведения в существующих условиях.

И, наконец, вторым аспектом, требующим учета при оценке потенциала региональных военно-политических союзов, является соотношение геополитических интересов участников этих военно-политических структур и внешних к ним сил.

Прибавим также к этому и ряд внегосударственных международных сил (террористические, экстремистские организации и наркобизнес). Кроме того, регион окружает ряд серьезных очагов нестабильности.

Таким образом, необходимо выделить следующие главные параметры геополитической переменной, играющие определяющую роль в динамике развития ДКБ и ШОС и в целом региональной системы безопасности.

После распада СССР геополитическая «недооформленность» и низкий интеграционный импульс и потенциал между странами Центральной Азии привели к построению региональных военно-политических структур (ДКБ и ШОС), стремившихся стабилизировать пришедшее в активное движение геополитическое пространство.

Открывшиеся возможности для присутствия в регионе США, благодаря целенаправленным геополитическим маневрам, не могли не сказаться на дальнейшем изменении геополитической структуры региона. Приход в

регион США в рамках Антитеррористической коалиции, в этой связи, на мой взгляд, является скорее закономерностью, нежели случайностью.

Закономерностью стало и возрастание роли других стран, проникновение в Центральную Азию внегосударственных игроков (международных экстремистских, террористических организаций, наркобизнеса). Они как бы протекают сквозь зазоры в системе безопасности.

Общей дестабилизации также способствует наличие вблизи Центральной Азии ряда открытых очагов нестабильности: Афганистан, пакистано-индийское противостояние и потенциальный, но чрезвычайно взрывоопасный и мощный очаг нестабильности на Каспии.

В этой ситуации несовпадение геополитических интересов крупных мировых и региональных центров силы, потенциал географического разлома и мегаформаты, несовпадение геополитических интересов стран-участниц региональных военно-политических союзов делают эти структуры малоэффективными.

Давайте рассмотрим и другую немаловажную составляющую проблемы построения военно-политических структур – геоэкономическую.

Действительно, в этом случае необходимо иметь в виду несколько крайне важных обстоятельств.

Во-первых, это геоэкономическое положение Центральной Азии, как детерминант ее места, роли и перспектив в мировом сообществе.

На сегодня с учетом сложившейся структуры мировой экономики (развитые страны, новые индустриальные страны, транзитные экономики, развивающиеся и неразвитые страны), деградации СССР в производственно-технологическом плане и распада единой экономики СССР, страны Центральной Азии, как и Россия, приблизились к разряду третьего мира, причем периферийного.

Глобализация и процесс регионализации делит мир на три крупных региональных блока, находящихся в состоянии стратегической конкуренции и взаимосвязанности. Во главе каждого из них представитель триады: США, Япония и Западная Европа.

США включили в свою геоэкономическую орбиту Латинскую Америку (НАФТА, ФТАА), Западная Европа – Восточную, Центральную и Южную Европу (ЕС, СЕФТА), Япония – Восточную Азию (ASEAN+3). В то же время в рамках Восточноазиатского полюса вторым центром гравитации становится Китай. В рамках

этих регионов происходит основной объем торговых и инвестиционных потоков, причем на представителей триады приходится порядка 60–75% мировых торговых и инвестиционных потоков и порядка 90% технологических трансфертов.

В результате на периферии глобализированной экономики (процесс периферизации) остаются Африка, Южная Азия, пространство бывшего СССР. Но если у Индии и России имеются определенные перспективы к росту и полноценному подключению к глобализации в силу большого людского, экономического, научно-технического, военного и геостратегического потенциала, то Центральная Азия остается в сложнейшей ситуации. Она находится рядом с третьим периферийным миром, отстает от России и попадает в поле гравитации Юга.

Кроме того, замкнутое географическое положение делает ее заложником экономической ситуации в России и Южной Азии. Регион, окруженный депрессивным поясом, объективно не имеет возможности сделать самостоятельный рывок к экономическому росту через торговые и инвестиционные связи с триадой, как это сделали, например, страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Главный козырь Центральной Азии – геополитический потенциал и возможность стать «открытой» за счет транзитных и энергетических магистралей, при запуске которых недостатки региона могут превратиться в его преимущества.

Динамика развития именно этих проектов во многом определяет стратегическую основу безопасности региона, поскольку экономическое положение его населения становится причиной многих угроз – международного наркобизнеса, политического и религиозного экстремизма, терроризма и др.

Также следует принять во внимание значимость экономической интеграции и регионализации, как составной части стратегии стягивания и контроля геостратегического пространства.

Так сегодня развивается объединенная Европа.

И Россия, и Казахстан с момента распада СССР стремились включить все страны-участницы СНГ в единый Таможенный союз с унифицированным таможенным барьером против экспортеров из «дальнего зарубежья» по периметру СНГ – при сохранении свободной торговли внутри него. В результате был создан Таможенный союз, а позже подписано соглашение о создании Платежного союза, на

основе которых в 2000 году было учреждено ЕврАзЭС.

Однако активная переориентация стран Центральной Азии на экономических партнеров в «дальнем зарубежье» и схожесть их экспортной специализации значительно замедлили процесс интеграции постсоветских стран.

Экономическая интеграция, несмотря на создание в регионе интеграционных организаций (ЦАЭС, ЦАС) и, в частности, активные усилия со стороны Казахстана, протекает медленно и в рамках Центральной Азии. Ее вялый характер детерминируется рядом причин, главными из которых являются разные темпы и модели реформирования экономик, разные темпы экономического роста, использование экономических рычагов для решения узких внутренних задач, и факторы, изложенные при рассмотрении геополитики Центральной Азии.

Тем не менее, несмотря на небольшой прогресс, интеграционные процессы стимулируются исключительно в рамках ЕврАзЭС и в рамках ЦАС.

В этом отношении интересно и показатель-но, что на последнем, 6-м заседании интеграционного комитета ЕврАзЭС в Чолпон-Ате, помимо чисто интеграционных вопросов экономического порядка (введение единых тамо-

женных тарифов, свободного торгово-финансового передвижения), большое внимание получили вопросы нелегальной миграции, охраны границ, в частности проект договора о сотрудничестве по охране границ сообщества, подписание которого намечено на май 2003 года.

Таким образом, как мне представляется, ОДКБ с учетом совпадения с ЕврАзЭС общего состава участников и позиций будет дополнять и стимулировать развитие друг друга. По крайней мере, можно утверждать, что через стимулирование экономических отношений между странами решается социально-экономическая составляющая их внутренней стабильности и безопасности.

В свою очередь, ШОС в качестве одного из главных приоритетов также ставит задачи развития экономического сотрудничества.

Таким образом, на постсоветском пространстве возникло несколько интеграционных образований – СНГ, ЕврАзЭС, ЦАС, ГУУАМ. Почему это произошло – вопрос отнюдь не риторический.

Прежде всего, само СНГ с самого начала воспринималось разными игроками и участниками с совершенно противоположных позиций. Вообще сама история СНГ – это крайне любопытный прецедент пересечения объек-

тивного и субъективного в политике и судьбах десятков миллионов людей. Но это отдельная история...

В целом, часть стран, входивших в СНГ, видела в нем прообраз будущей тесной интеграционной системы типа Европейского Союза. Другие рассматривали СНГ как организацию для спокойного и максимально бесконфликтного способа распада бывшего СССР и считали, что чем слабее связи внутри Содружества, тем лучше.

Когда разность моделей понимания СНГ стала очевидной до того, что эта организация действительно стала превращаться в клуб президентов, ряд интеграционно настроенных лидеров начал создавать более тесные региональные объединения. Если бы в середине 1990-х годов мы смогли бы договориться о создании единого экономического пространства или зоны свободной торговли, то конечно, сегодня не было бы такого обилия региональных союзов, а само СНГ, безусловно, превратилось бы во влиятельное и растущее интеграционное объединение по крайней мере евразийского формата. Однако события развивались в русле дезинтеграции по разным причинам и сценариям и сегодня нам необходимо выстраивать интеграционную конструкцию, исходя из складывающихся реалий жизни.

Именно через экономические проекты и экономические интересы в Центральноазиатский регион вовлекаются другие игроки, пытаются реализовывать свои национальные интересы другие игроки.

За экономическими интересами скрывается политическая и военная подоплека. В этом контексте необходимо рассматривать все транспортно-транзитные проекты в рамках ТРАСЕКА или ГУУАМ, игру вокруг трубопроводных маршрутов из Каспийского региона

Могу только отметить, что экономическое развитие Каспия, нефтегазопроводов и транспортных магистралей (в западном, северном, южном и восточном направлениях) является важнейшим фактором построения региональной системы безопасности. Но в то же время это и существенный источник угроз.

В целом, слабая экономическая интеграция стран ДКБ и ШОС пока является сдерживающим фактором в развитии этих структур.

В то же время можно констатировать, что в ряде стран есть определенные политические круги, которые заинтересованы в кооперировании с радикальными силами.

Так, например региональные элиты, которым в настоящее время нет доступа на политический Олимп, могут иметь общие интере-

сы с радикальными экстремистскими группами в борьбе против центральной власти.

В свою очередь, Аксыйские события 2002 года в Кыргызстане наглядно продемонстрировали тенденцию к усилению политического экстремизма в условиях, казалось бы, относительного политического либерализма этой страны.

Кроме того, экстремистские и криминальные группы центральноазиатских государств участвуют в высокодоходной торговле наркотиками. Как в случае незаконной торговли наркотиками в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, наркобизнес ведет к росту насилия в регионе. Преступные группировки, либо борются за контроль над регионом, либо сталкиваются с органами правопорядка стран с тем, чтобы сохранить благоприятные условия для своих операций, в частности, транзита наркотиков с территории Афганистана.

Наконец, есть потенциал конфликтов этнического характера. Сложное экономическое положение ухудшило климат межэтнических отношений, особенно в местах совместного заселения, это усиливает сепаратистские настроения. В основе этого лежит сложность этнотерриториальной структуры региона.

Таким образом, потенциал конфликтов, который складывается из этих особенностей

региона, может сделать внутреннюю нестабильность в одной из стран детонатором дестабилизации всего региона.

Это обстоятельство диктует необходимость тесного взаимодействия и поиска консенсуса для совместного разрешения проблем безопасности. Однако зачастую решать сложившиеся проблемы в узком кругу по ряду причин трудно.

Возникает необходимость в привлечении третьих сил, выполняющих с одной стороны роль авторитетных арбитров и спонсоров мира, с другой стороны, мощной военной поддержки, ограждающей страны региона от проникновения деструктивных внешних сил. Это, безусловно, стимулирует взаимодействие между странами в рамках ШОС, ДКБ, особенно миротворческие функции, охрану границ.

Однако многое зависит от политических элит, от их стремления к диалогу в двухстороннем и многостороннем форматах. Именно их политическая воля и готовность к совместному разрешению противоречий, меж- и внутригосударственных разногласий является определяющим моментом успеха обеспечения региональной безопасности и углубления военно-политического сотрудничества.

Кроме того, приближение к этим процес-

сам как к проявлению объективных закономерностей общемирового развития указывает на закономерный характер этих процессов. Они лежат в общем русле глобальной тенденции на традиционализацию – которая диалектически обусловлена как реакция мира на технологическую и культурную глобализацию (модернизацию). Не ошибусь, если скажу, что страны, по тем или иным причинам исключенные из полноценного и прогрессивного участия в глобализации, подпадают под влияние тенденций экстремистского и деструктивного характера.

Это, в свою очередь, уменьшает эффективность систем безопасности, ориентированных на противодействие внешним силовым угрозам, и требует не столько военного вмешательства, сколько необходимости глубокой экономической и политико-идеологической трансформации общества. Соответственно это требует участия в регионе сил, имеющих мощный экономический потенциал.

С процессом политической и экономической суверенизации Центральноазиатский регион столкнулся с проблемами сохранения оборонной инфраструктуры, ранее являвшейся составной частью общей системы обороны СССР.

В частности, возникли проблемы разба-

лансирования военной географии региона, дееспособности систем ПВО, охраны границ, недоукомплектованности Вооруженных Сил и устаревания вооружения и военной техники, остановки работы предприятий военно-промышленного комплекса и др. Проблема финансирования военных объектов, хищения оборудования и вооружений, наряду с их вывозом в рамках передислокаций Вооруженных Сил привело к разрушению ряда объектов.

Таким образом, учитывая реальное состояние обороноспособности стран СНГ, стояла задача ее кардинального укрепления. Решением данной проблемы стало создание региональных военно-политических структур ДКБ и ШОС.

С военной точки зрения, ДКБ был ориентирован на реинтеграцию бывшего единого военно-стратегического пространства.

В рамках ДКБ удалось сохранить единые системы ПВО и охраны границ, хотя в обеих сферах имеются серьезные проблемы.

В свою очередь, ШОС была призвана устранить возможность перехода существовавших и актуализировавшихся пограничных проблем с Китаем в реальную военную угрозу. ШОС, в рамках которой политические инструменты были главенствующими над военными, позво-

лила решить главную задачу – нормализацию отношений с КНР, но оказалась «вне игры» в борьбе с другими угрозами.

Однако, отмечу это обстоятельство особенно, важной спецификой в развитии системы региональной безопасности в Центральной Азии явилось превалирование нетрадиционных угроз над традиционной угрозой военного вторжения третьей страны в регион.

С учетом геополитических, экономических и цивилизационных особенностей развития Центральной Азии, в регионе доминировали угрозы нетрадиционного характера, а именно терроризм, религиозный экстремизм, международный наркобизнес и оргпреступность, что отчасти и проявилось в возникновении острейшего конфликта в Таджикистане в 1990-е годы.

Во всяком случае, необходимо отдавать отчет в том, что внутренние проблемы в регионе являются объектом ответственности самих стран.

Что касается стратегии в военной сфере, то она должна базироваться на создании высокопрофессиональных Вооруженных Сил, эффективно взаимодействующих с Вооруженными Силами стран-участниц военно-политических структур, в которых состоит или планирует состоять Республика Казахстан.

Для обеспечения собственной безопасности необходимо максимально использовать расширяющееся в рамках ОДКБ военно-техническое сотрудничество. Его характер и содержание должны тесно соответствовать направлениям модернизации отечественных Вооруженных Сил.

Но, разумеется, что при этом главным приоритетом является построение высокоэффективных Вооруженных Сил, в составе которых получают широкое развитие мобильные силы, авиация, ПВО, высокоточное оружие и современные средства разведки.

Жизненно важная необходимость в такой существенной модернизации обусловлена самим характером вероятных военных угроз, низкой или средней степенью интенсивности вооруженных конфликтов. К этому также предрасполагают и особенности военной географии региона – большая территория, протяженность границ и небольшая плотность населения.

Одним словом, поставленных задач в области военного строительства Казахстана необозримо много. Не каждая из них решается в одночасье. Все-таки, необходимо это признать, это трудный и долгий процесс. Но решить их все или большинство из них – означает лишь одно: только их успешное реше-

ние позволит Казахстану решить свою основную задачу – поддержание сложившегося режима национальной и государственной безопасности на постоянной и долговременной основе.

* * *

Итак, существует вполне конкретная и реально осязаемая иерархия угроз, представляющих опасность для национальной и государственной безопасности Казахстана, перманентному развитию гражданского общества и социально-экономическому прогрессу.

Эти угрозы представляют тем большую опасность, чем меньшее противодействие они встречают. Поэтому простая констатация и анализ реальных и потенциальных угроз являются только преддверием на пути к процессу дальнейшего обеспечения имеющегося потенциала безопасности Казахстана. Тот уровень национальной и государственной безопасности, который характерен сегодня для Казахстана, не является просто «вещью в себе». Сегодня Казахстан отличается постоянным и довольно прочным запасом стабильности и миротворческого потенциала, но этот status-quo обеспечивается постоянными усилиями и затратами человеческого, интеллек-

туального, духовного потенциала и определенной энергией политической воли.

Сегодня наше казахстанское общество находится на завершающей стадии транзитной экономики, постепенно возникают новая культура, новые формы общественных отношений, укрепляется гражданское общество, формируется определенный социальный и психологический климат не только Казахстана, но и всего Центральноазиатского региона. И между этими явлениями и собственно структурой безопасности существует тесная связь.

Не только само состояние достигнутой безопасности существенно влияет на характер и темпы развития экономики, культуры и политики, но не меньшее влияние на них оказывает то, как осуществляются меры по достижению безопасности и системы ее поддержания на должном уровне. Поэтому сам характер выбранного нами метода или системы по обеспечению национальной и государственной безопасности должен быть таким, чтобы наиболее оптимально содействовать темпам политического, социального, общественного и экономического развития Казахстана.

Нельзя не учитывать и обширный мировой опыт самых разных стран и регионов, получен-

ный на долгом и трудном пути поддержания систем безопасности и состояния миротворчества. И, само собой разумеется, что для построения региональной безопасности необходимо четко представлять, что из себя представляет собственно региональная безопасность, каково ее место во внешнерегиональной и международной безопасности и какую роль она играет при построении национальной безопасности.

Национальная безопасность призвана обеспечить гарантии неуязвимости основных, жизненно важных интересов страны – национального суверенитета, территориальной целостности, защиты населения. В этом смысле, национальная безопасность выступает как *система жизнеобеспечения* государства: нет национальной безопасности – нет государства.

Также как для разного периода развития государств и сообществ существовала своя иерархия угроз, так для каждого периода существовала своя система глобальной и региональной безопасности. В этом смысле интересно проследить исторические аспекты формирования безопасности как системы определенных норм поведения государств и особенностей их взаимоотношений.

Итак, период до и во время Тридцатилет-

ней войны в Европе в начале XVII века был периодом постоянных беспорядочных военных действий. В течение этого времени непрерывных войн и конфликтов почти все европейские государства были прямо или косвенно задействованы в перманентных военных действиях. Силы и ресурсы воюющих государств были настолько истощены, а сами государства были настолько обессилены, что продолжать войну было совершенно бессмысленно и губительно для всех воюющих сторон. И завершение в 1648 г. Тридцатилетней войны так называемым Вестфальским миром впервые сформировало новую картину международно-правовых основ системы международных отношений.

Подписанием Вестфальского мира было достигнуто определенное упорядочение международных отношений, возникли такие новые тогда понятия, как национальный интерес и государственный суверенитет. Чрезвычайно прогрессивная для того времени, Вестфальская система международных отношений стала первой международно-правовой системой, реально обеспечившей международную безопасность. Новая система мира позволила четко определить место государства на международной арене и заложила системность в их отношениях. Наследие того перио-

да и новой формулы мироустройства ощущаются и по сей день – все последующее время вплоть до настоящего момента мир, во многом, живет законами международно-правовой системы, определенной условиями Вестфальского мира.

И этот геополитический расклад, сформировавшийся после Вестфальского мира, позволил просуществовать Европе без значительных конфликтов вплоть до Великой Французской революции. Что может служить фактическим примером того, как на протяжении этого более или менее мирного периода в Европе установилась система полноценной региональной безопасности.

Так продолжалось до того момента, как на арену истории стремительно ворвалась фигура «неистового корсиканца», амбиции которого не признавали существующих в Европе и в мире границ и норм международного права. Отречение Наполеона и крах Французской империи заложили исторические основы нового геополитического расклада, юридически оформленного в 1815 г. на Венском конгрессе. Венский миропорядок гарантировался военной мощью Российской империи и другими странами-победительницами – Пруссией, Австрией и Великобританией и закреплялся международным форумом – Священ-

ным Альянсом. Угрозой новому миру провозглашался бонапартовский реваншизм.

Победители, которые отныне должны были выступить гарантами дальнейшего мира в Европе, разумеется, не остались внакладе. Пруссия объединила Германию под эгидой прусского кайзера, попутно присоединив французские Эльзас и Лотарингию. Австрия превратилась в Австро-Венгрию – империю, объединяющую разные страны и народы. Великобритания стала крупнейшей мировой колониальной державой. Отныне именно их право сильного должно было стать гарантией вечного мира и безопасности.

Кроме поддержания мира, Священный Альянс выполнял и дополнительные задачи – роль сдерживающего начала против национально-освободительных и революционных движений (политического экстремизма) первой половины XIX века. Таким образом, Священный Альянс стал первым крупным форумом, гарантирующим определенную устойчивость существующих границ и общественных устоев.

Став новой, более совершенной системой, гарантирующей мир и бесконфликтность, Венский мир просуществовал почти 50 лет, заложил фундамент региональной безопасности на территории Европы.

И только появление в конце XIX – начале XX вв. новых центров силы в лице объединенных Германии и Италии, а также увеличение мощи Австро-Венгрии, сформировавших «Тройственный Союз», привело к окончательной разбалансировке международных отношений, в которых ключевую роль играли Великобритания, Франция и Россия, объединившиеся впоследствии в «Антанту». Противоречия этих центров силы в конце концов привели к Первой Мировой войне.

Таким образом, завершение Первой Мировой войны стало отправной точкой нового геополитического расклада – Версальско-Вашингтонской системы международной безопасности. Именно в это время в международный обиход и язык дипломатии вошел термин «коллективная безопасность», который получил наибольшую актуальность в наши дни.

На этот раз ключевыми гарантами мира стали Великобритания, Франция и США. Основными угрозами миру провозглашались немецкий реваншизм и российский большевизм. Кроме того, была создана Лига Наций, первая крупная постоянно действующая международная организация, призванная гарантировать мир и международную безопасность. Версальско-Вашингтонская система оговаривала количество и качество вооруже-

ний в ряде регионов мира к выгоде победителей и к неудовольствию проигравших. Постепенно неудовольствие вылилось в немецкий реваншизм и японский милитаризм. Сопутствующий этому резкий рост немецкой и японской экономики позволил Германии и Японии совместно с Италией создать ось «Берлин–Рим–Токио», претендовавшую на изменение международного политико-правового порядка. В результате возникшие противоречия привели к началу Второй Мировой войны.

1945 год. Гитлеровская Германия повержена. Муссолини казнен на Площади Цветов в Риме. Императорская Япония подписала акт о полной и безоговорочной капитуляции. Окончательное завершение Второй Мировой войны сформировало новый геополитический расклад – так называемую Ялтинскую международно-политическую систему. Эта, вновь образованная структура мироустройства, Ялтинская система провозгласила миру о начале новой эры в истории человечества – истории глобального противостояния или, как ее называли, биполярности. На долгие годы соревнования между двумя антагонистическими системами, международные отношения приобрели характер противостояния между двумя глобальными блоками – Организа-

ей Варшавского Договора (ОВД), возглавляемой СССР, и Североатлантическим блоком НАТО (СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС), возглавляемого США. Возникла и новая геополитическая единица в лице Организации Объединенных Наций и ее главный орган – Совет Безопасности.

Глобальное двустороннее противостояние привело к началу холодной войны – состоянию международных отношений, при котором противостоящие стороны, не прибегая к открытому военному противостоянию, вели постоянное скрытое и явное идеологическое, экономическое и политическое соревнование и гонку вооружений. Но в условиях данного геополитического расклада возникла принципиально новая угроза – угроза ядерной войны и глобального уничтожения человечества.

Бесперспективность военного конфликта, приводящего к тотальному уничтожению двух воюющих сторон, привела к попыткам снижения международного напряжения. Важнейшей из них стал «Хельсинский процесс», завершившийся проведением Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и подписанием в 1975 г. Хельсинского заключительного акта.

Распад Советского Союза и Варшавского Договора, завершение холодной войны при-

вели к новому геополитическому раскладу и новой геополитической парадигме международных отношений – однополярности. Возникла новая типология угроз. На первый план вышли ряд глобальных угроз безопасности (терроризм, наркобизнес, нелегальная миграция и т.д.). Заговорили о глобализации в различных сферах, в т.ч. политической. Возникло понятие гуманитарной интервенции как нового варианта доктрины ограниченного суверенитета. Основные международные центры силы объединились под знаменем антитеррористической коалиции, возглавляемой США.

Для современного периода однополярности характерно то, что, если так можно выразиться, одно большое противостояние рассыпалось на большое количество «маленьких» противостояний. Государства в самых разных регионах планеты, утратив патронажную роль одной из ведущих держав, оказались как бы предоставленными самим себе. И им самим пришлось разбираться с тем наследством, которое оставило им глобальное противостояние на их, локальном, участке «холодного» фронта.

Итак, я уже обращал внимание на то, что обеспечение международной и глобальной безопасности происходит благодаря политике великих держав и деятельности различных международных организаций, важнейшей из

которых считается ООН и ее ключевые институты – СБ, Генеральная Ассамблея, МАГАТЭ и др. Вместе с тем в последнее время решение проблем терроризма и экстремизма берет на себя международная Антитеррористическая коалиция во главе с США. Кроме того, ряд серьезных вопросов стремятся взять на себя НАТО и Большая восьмерка.

С распадом СССР регион Центральной Азии вышел из-под зоны прямой ответственности Москвы и де-факто стал регионом, находящимся на границе различных зон ответственности.

Монополярная региональная парадигма трансформировалась в многополярную. Заявки на включение Центральной Азии в зону своего влияния предъявили США, Китай, а также ряд других региональных центров силы (Турция, исламский мир, ЕС, Индия).

При этом необходимо учитывать современные международные тенденции и влияние на региональную ситуацию негосударственных игроков – транснациональных корпораций, неправительственных и международных организаций, трансграничной преступности.

Поэтому при рассмотрении региональной геополитической ситуации необходимо понять три уровня.

Как известно, региональная безопасность

Центральной Азии в первую очередь зависит от отношений в треугольнике США, Россия, Китай. Кроме того, на региональную геополитическую ситуацию оказывают влияние ЕС, Турция, исламские страны, негосударственные игроки. Поэтому из этого можно сделать простейший, но верный вывод: состояние отношений между вышеперечисленными игроками во многом определяет ход политических процессов в регионе.

Вторым уровнем рассмотрения является состояние геополитической ситуации в прилегающих регионах в РФ, в КНР, на Южном Кавказе, в Южной Азии и на Среднем Востоке.

Третий уровень рассмотрения геополитической ситуации – это динамика развития отношений между собственно странами региона: Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Вызовами стабильности внутри нашего Центральноазиатского региона можно назвать наличие ряда потенциальных конфликтных линий:

– Ключевой проблемой является напряженная социально-экономическая обстановка. Высокий уровень бедности в государствах региона, усиливающийся ростом социальной дифференциации, создает условия нестабильности.

– Системным вызовом является вопрос о путях цивилизационного развития Центральной Азии в целом и входящих в регион государств.

– Очевидно, дефицит воды будет оставаться актуальным на длительную перспективу.

– Судьба региона будет определяться и сложнейшей экологической ситуацией.

– Основным фактором высокой международной значимости региона Центральной Азии являются природные ресурсы, расположение на путях трансконтинентальных коммуникаций, а также приближенность к таким международным центрам силы, как Китай и Россия.

В условиях нарастающей борьбы за природные и, прежде всего, энергетические ресурсы, Центральная Азия выглядит весьма привлекательно. Значительные запасы природных ресурсов – нефть и газ, цветные и редкоземельные металлы, золото, серебро, уран и др., в обладании которыми заинтересованы мировые державы, делают регион весьма значимым в мировой экономике. И, наконец, особую стратегическую значимость имеет Каспийское море с его уникальными углеводородными и биологическими ресурсами.

Кроме того, Центральная Азия находится

рядом с так называемой «дугой нестабильности», в которой ежегодно увеличиваются потоки наркотиков, оружия, контрабанды, нелегальных мигрантов и прочие проблемные зоны, что заставляет мировое сообщество все более пристально обращать внимание на проблемы и перспективы региона.

Вместе с тем, Центральная Азия – это регион пересечения крупнейших мировых цивилизаций – исламской, русско-православной, китайско-конфуцианской, западной.

Таким образом, Центральная Азия представляет собой достаточно значимый регион с точки зрения международной политики, экономики и безопасности.

Именно в повышении геополитической значимости Центральноазиатского региона следует рассматривать перспективы развития политической ситуации в регионе и ее колебания в ту или иную сторону – в сторону дестабилизации или дальнейшего укрепления режима стабильности.

Таким образом, существующие представления о дальнейшей геополитической ситуации и предполагаемая динамика стратегических игр ключевых глобальных и региональных игроков в целом позволяют прогнозировать продолжение периода относительной стабильности. Однако наличие ряда нерешенных

вопросов, угроз и вызовов демонстрирует, что региональная стабильность – категория зыбкая и временная, требующая периодических мониторинга и переоценки.

Уровень доверия в Центральном-азиатском регионе достаточно высокий.

В регионе присутствует определенный культурный, лингвистический и исторический задел, который позволяет ощущать некоторую общность и наличие «сближающих осей». Так, почти все страны Центральной Азии относят себя к тюркской культуре, в регионе преобладает общий для большинства населяющих его народов тип суннитского ислама, большинство населения в той или иной степени владеет русским языком. В истории стран региона присутствует достаточно много общего.

Несмотря на серьезные проблемы, нет никакой необходимости говорить о фатальном характере угроз. Оттенок фатализма им может придать только бездействие и полное нежелание предпринимать меры по их фактическому или превентивному устранению. Нельзя гарантировать, что угрозы национальной и государственной безопасности не затронут нас, можно только сказать, что тот комплекс мер и действий, которые мы предпринимаем и будем предпринимать, позволит если не

устранить источник угроз, то, по крайней мере, свести их негативные последствия к минимуму.

Каков же тот комплекс мер общего характера в рамках единой концепции безопасности, которые позволят нам без серьезных потерь пройти через предстоящее критическое десятилетие? Как мне представляется, они состоят в нескольких крупных направлениях.

Во-первых, необходимо продолжать развивать в качестве стратегической цели формирование единого центральноазиатского геополитического блока.

Активизировать военное сотрудничество и обмен опытом среди стран региона. Проводить и участвовать в совместных военных учениях.

Усиливать культурные и цивилизационные «оси» через культурную интеграцию.

Предпринимать попытки к снижению внутререгионального напряжения и увеличению доверия. Учитывать стратегии развития всех центральноазиатских государств, пытаясь соотнести их между собой.

Создавать совместные центральноазиатские предприятия и организации, стремясь разрешить водные, энергетические, сырьевые и др. противоречия (к примеру, попытаться создать центральноазиатское объединение воды, хлопка и риса).

Содействовать завершению делимитации границ между всеми странами региона.

Во-вторых, необходимо продолжать политику многовекторности, стараясь стимулировать крупных внешних игроков к сближению и сотрудничеству.

В целях противодействия различным стратегиям «управляемого кризиса» и «экспорта нестабильности» целесообразно усиливать сотрудничество со всеми важными региональными центрами силы.

Необходимо продолжать развитие многоуровневого и многовариантного обеспечения безопасности.

При этом важно прилагать усилия к усилению экономического, политического и культурного компонентов региональных объединений в сфере безопасности.

Наконец, необходимо продолжать формирование концентрических кругов стабильности вокруг Казахстана и Центральной Азии.

Как показывает мировой опыт, необходимо развивать государственную и региональную безопасность на основе сотрудничества в сфере безопасности с государствами по периметру границ региона.

Национальная безопасность Казахстана должна быть тесно связана с безопасностью Центральноазиатского региона. Безопас-

ность Центральноазиатского региона следует рассматривать как составляющую безопасности Центральной Евразии. Центрально-Евразийский регион должен быть частью евроазиатской системы безопасности, являющейся частью глобальной системы безопасности. В этой связи необходимо создание так называемых «поясов безопасности» по всем азимутам потенциальных угроз и вызовов.

В целом, необходимо стремиться формировать систему коллективной безопасности с присутствием всех региональных центров силы.

Безусловно, ключевым аспектом безопасности выступает система многостороннего сотрудничества самих центральноазиатских государств.

Наши интеграционные усилия – это не только экономический прагматизм, это и ключ к безопасности. Никто не желает нестабильности своему экономическому и торговому партнеру. Поэтому стабильность наших соседей по Центральной Азии исключительно важна для Казахстана. Это открытая и ясная позиция, которая объясняет все практические шаги в этом направлении и спокойный выверенный курс внешней политики Казахстана в регионе.

Во многом безопасность Центральной

Азии определяется волей и зрелостью политических элит. Тот уровень взаимопонимания между лидерами, который сложился за годы независимости, позволил избежать самого пессимистического сценария, который рисовали многие эксперты, сценария межгосударственных конфликтов.

Твердо убежден, что этот сценарий никогда не реализуется.

Заклучение

Мы вполне способны видеть и замечать, как изменяется окружающее нас общество, но порой не замечаем, как изменяемся мы сами. Мы говорим себе – вот появилось новое или исчезло старое, но очень редко отмечаем для себя – когда-то я думал и считал так, а теперь думаю и поступаю иначе. Но ведь на протяжении всей жизни человеку свойственна не только эволюция тела, но и эволюция духа.

Сейчас многие крепки задним умом. Но замечания истинны и справедливы, как правило, только после того, как то или иное действие исполнено. Наглядное проявление прежних воззрений и построений в виде перекосов и ошибок дает нам осознание истинного пути.

Парадокс состоит в том, что если бы тогда мы пошли по более правильному пути в свете «тогдашних» понятий и уровня понимания, то мы бы с такой же степенью вероятности пришли к худшему результату и столкнулись бы с еще большим количеством неразрешимых и, может быть, фатальных проблем.

Закономерно или нет, но именно поэтому общественное развитие гражданского общества многих развитых государств было до-

статочно долгим и протяженным. Ведь это вопрос времени – осознание свершившегося настоящего и ошибочности пройденного предшествует безошибочности последующей логики и динамики движения.

Тем более, что демократия – это не горизонтальный, а вертикальный прогресс общества. Так что мимо горы идут не только умные, но и неразумные, а горы покоряют только разум, рассудительность, опыт и отвага. Двести лет той же американской государственности – это не двести лет постоянного торжества абсолютной демократии.

Это двести лет политических и социальных проб и ошибок на пути к тому демократическому и открытому обществу, каковым и являются США сегодня.

Суд Линча, маккартизм, социальные бунты, расовая сегрегация, ограниченное избирательное право – это история не двухсотлетней давности, а суровые будни постепенного, но неотвратимого строительства, скажем так, максимально демократической модели общества.

Мы, казахстанцы, жили в абсолютно закрытом обществе, где правили иерархия духа, категоричность оценок и предопределенность будущего. Но наша ли вина в этом?

Мы все еще способны удивляться и боль-

ше всего мы были бы виноваты, если бы при любых обстоятельствах так и остались рабами навязанного нам духа. Если бы не были способны строить жизнь по-новому, осознавая несовершенство наших прежних воззрений или ценностей.

Ибо история становления нашей и вообще любой государственной независимости – это не только история общественно-политического переустройства. Это в немалой степени история личностного роста каждого из нас. Это история психологического переосмысления жизненных ценностей и даже самого смысла жизни. Это история возвращения народов и каждого из нас в лоно мировой цивилизации.

Но для того, чтобы выработать стратегию возвращения и идти вперед, сверяясь с ней, нужно определить контуры и картину нашей конечной цели – мир и мировое сообщество.

Какой мир мы имеем сегодня? Настолько ли он мал, что один деструктивно настроенный человек может перевернуть всю картину и динамику развития Человечества? Настолько ли он велик, что любое глобальное потрясение нивелируется самим временем и, после кратковременного шока, все возвращается на круги своя? Настолько ли хаотичен, что

футуристические концепции политиков и политологов являются просто красивым и интеллектуально упакованным гаданием на кофейной гуще?

Или, может, мир полностью детерминирован так, что «козни» разных клубов и стратегемы руководящих центров реализуются постольку, поскольку соответствуют пока еще непонятой нами закономерности развития человеческого социума?

Человечество исследовало поверхность Луны, находящейся на расстоянии несколько сот тысяч километров, но не исследовало даже десяти процентов поверхности морского дна, находящегося фактически в непосредственной близости от нас.

Специалисты и эксперты могут только описать параметры развития планетарного социума, задним числом убеждаясь в своей профессиональной правоте, но не могут определить истинную мотивацию и характер поведения обычного человека, строя прогностику по буридановой методе. Что же касается достоверной перспективы и оценочного предвидения даже краткосрочного, не говоря уже о долгосрочном, прогнозе будущего, то здесь вольготно чувствуют себя только поверхностные астрологи и многочисленные пророки, о которых мы вспоминаем тогда,

когда из сотни их прорицаний сбывается одно, да и то весьма приблизительно.

Современная политологическая мысль пока не в состоянии «прочувствовать» и просто понять фундаментальные закономерности общественно-политической эволюции мирового сообщества и произвести обобщенный механизм, с помощью которого можно было бы составить навигационную карту движения отдельного государства, регионального объединения или всего человечества.

Даже новая и очень модная понятийная категория, какой является глобализация, не только имеет самые разнообразные трактовки и определения, но и интерпретируется всеми совершенно по-разному – от образа мирового сознания, движимого объективной закономерностью, до прагматичной установки на постмодернистскую реанимацию колониального господства как олицетворения «теории заговора».

Ясно только, что глобализация, как новое качество, непонятое до конца, но существующее, способна и должна радикально изменить нашу жизнь, без четких гарантий изменений к лучшему будущему для всех участвующих в этом процессе. Видно только, что глобализация сопровождается определенным ослаблением роли государства в политико-

экономической структуре всемирного сообщества, унификацией общественной мысли, увеличивающейся диспропорцией между прогрессом «зачинщиков» глобализации и ее последователями или сторонними наблюдателями.

В глобализации нет романтического оптимизма или мрачного философствования. Зато есть чистый экономический прагматизм и реализм мира технологического прогресса и стандартизации режима потребления и производства. Это мир постоянных конфликтов, потому что глобализм в чистом и желаемом виде пока неосуществим: регионализм и сепаратизм умрут не раньше, чем умрет сама идея глобализма и государственности.

Деглобализация советского пространства и «девятый вал» сиюминутных проблем и текущих вопросов все же не смогли отвлечь от попыток построить приемлемую для нас, для Казахстана, в настоящих геополитических условиях некую оптимальную конструкцию казахстанского социума. Такого социума, который бы отвечал интересам колоссального массива культурного, пространственного, конфессионального, общественного и идеологического разнообразия Казахстана, полученного нами в наследство от Советского Союза.

Совершенно очевидно, что нам было необходимо не только учитывать и признавать необходимость, скажем так, «банальных» тенденций к поэтапному формированию открытого и демократического общества, но и пытаться просчитывать крайне неоднозначные и неопределенные тенденции геополитических трансформаций и динамики развития современных глобальных и региональных обществ.

Мир не только постепенно глобализуется, он постепенно уходит в сторону от односторонних моделей развития человеческого общества. Глобализация устраивает и выгодна одним, но в силу ряда причин не устраивает других. По крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Особенно опасна и неопределенна перспектива глобализации в условиях сложившегося состояния, в котором сосуществует довольно большое количество так называемых центров силы, которые преследуют свои специфические глобальные и локальные интересы.

Но бесспорные по своей ошибочности концепции будущего, основанные на темах конца истории или столкновения цивилизаций, имеют одну положительную сторону – человечество пытается ответить на вопрос об оп-

тимальном сценарии эволюции сообществ в сторону максимальной интеграции в этом пестром и неоднородном мире.

Но здесь возможны варианты. Некие общие установки, которые могут или определяют геополитическое развитие отдельных государств или государственных образований.

Только тогда, когда тот или иной социум достаточно однозначно определится со своим геостратегическим или геополитическим статусом, можно четко и всеобъемлюще выстраивать оптимальную «линию поведения» как внутри государства, так и вне его пределов – стратегию и тактику внутривнутриполитических и внешнеполитических реформ.

Строить открытое общество, опираясь на неизбежность и объективность глобалистических тенденций – самый оптимальный путь к построению достаточно развитого общества, формируемого на основе принципов устойчивого развития.

Но для того, чтобы избежать обратного эффекта – углубления противоречий при пересечении цивилизаций, необходимо уходить от взаимоотношений, построенных на оттенке того или иного качественного или количественного превосходства. У нас, мол, больше демократии или выше уровень жизни, поэтому извольте следовать нашим правилам

безоговорочно и без тени сомнений. А у нас, мол, древние традиции и богатейшая философская и самобытная культура – мы живем по своим жизненным правилам и сами вольны решать, в какой степени нам следовать за вами или следовать вообще. Первая письменность в виде клинописи появилась на территории современного Ирака в Шумерском царстве. Но традиции, пусть даже не прямые и однозначные, отнюдь не гарантия гармоничного развитого социума сегодня.

И в то же время каждое государство, является оно родоначальником какой-либо новации или нет, все равно имеет право на равноправное партнерство и равноправные отношения. Хотя бы поскольку, постольку оно имеет одинаковый и равноправный статус в межгосударственных отношениях.

Поэтому мы рассматриваем мировое общество не с точки зрения «общепланетарного консенсуса», оптимизированной модели «мирового правительства» или «гусиной стаи», а с точки зрения некоей системы, в которой должны осуществляться взаимодействия суверенных государств на основе полной паритетности отношений и саморазвитие государств на основе собственных традиций и «собственной скорости» политико-экономической и общественной трансформации.

Геополитический контекст такой концептуальной модели достаточно прозрачен и ясен – путеводной нитью в процессе всемирной интеграции должны служить равноправные и паритетные отношения со всеми членами мирового сообщества, основанные на добрососедстве, взаимопонимании и доверии.

В таком контексте становится понятным и очевидным также и внутривнутриполитический вектор саморазвития и самосовершенствования – программа построения суверенного и стабильного Казахстана как некоего социума, в котором «категорическим императивом» служит триединство: национально-гражданское согласие, эволюционное развитие политической системы и перманентная трансформация экономики к открытому и цивилизованному типу.

Такова в самом упрощенном варианте наша схема геостратегической и геополитической интеграции Казахстана в мировое сообщество. Не игры в «догонялки» с развитыми государствами и не упорная и горделивая «отсебятина» в вопросах экономики и политического устройства, а постепенное и устойчивое саморазвитие за счет внутренних ресурсов и внешних связей, идущее «синхронно» с нашими общественным менталитетом, гражданско-политическим статусом и ресурсным потенциалом.

Само собой разумеется, с прицелом на будущее процессы дальнейшей унификации межгосударственной кооперации и глобалистических тенденций, которые так или иначе существенно скажутся на политико-общественном устройстве государства, вольно или невольно втянутого в эти неоднозначные и противоречивые процессы.

Каковы необходимые и достаточные принципы функционирования и каков механизм реализации заложен в основу формирования казахстанской модели социума? Чтобы более или менее подробно осветить наше видение государственной конструкции Казахстана, всего его десятилетнего периода транзитного переустройства и развития, необходимо пересмотреть весь набор стержней, цементирующих нашу независимость и свободу: геополитические, внутривнутриполитические, социально-культурные, идеологические и экономические составляющие десяти лет формирования казахстанской модели социума.

Само собой разумеется, что в контексте сегодняшних реалий доминирующая роль суверенного института государства в структуре социума не только не сохраняется, но и приобретает некоторые новые функции, связанные с конструктивной инициативой и реакцией на глобальные трансформации мира.

Мировое сообщество только объединяется или стремится к объединению, но пока этого не произошло. Пока еще нет и не существует универсальной формы глобального мироустройства, которая бы стимулировала к интеграции все государства без исключения. Не существует ни всеобъемлющей идеи, ни конструктивного механизма приемлемой для всех формы глобализации. Более того, идея государства, как формы общности людей и фундамента нации, не только не скомпрометировала себя, но и показывает свою перспективную жизнеспособность.

С одной стороны, если значительно утрировать, в государстве есть мобилизующая сила, которая проявляется в том, что, как говорится, люди готовы умереть за свою страну, но не за свою фирму или корпорацию, какой бы большой она ни была. В то же время процессы, связанные с национальным самоопределением и сепаратизмом, приводят к тому, что в обозримом будущем на географической карте мира кроме ныне существующих почти 200 стран могут появиться дополнительно еще несколько сотен субъектов мирового сообщества – суверенных и независимых государств.

Соответственно, возрастет относительное и абсолютное число людей, готовых от-

дать все, если не за идею государственности, то, по крайней мере, за свою страну, за свою Родину, за ее независимость и свободу.

Поэтому интеграционные настроения и реальная глобализация, выражаясь старым языком, это не догма, а руководство к действию.

Сам замысел, в общем, понятен и прозрачен, но каждое государство, каждый социум сами должны определиться в схеме своего пути и выработать свою собственную схему к максимальной интернационализации своей политико-общественной жизни и интеграции экономической сферы в единое мировое пространство.

Отвлекаясь от самого понятия и явления глобализации и ее плюсов и минусов, я считаю необходимым пояснить одно ее свойство, которое имеет принципиальное значение. Глобализация не является общим и фатальным явлением для всех стран и народов. Некоторые тенденции в политическом устройстве и расширении экономической интеграции не затрагивают страны, которые или не хотят вписываться в процесс глобализации или же не представляют для нее, как явления, какого-либо геополитического или экономического интереса. Одним словом, органично войти в процесс глобализации или стараться

всеми силами отторгать его – все это зависит от собственной внутренней и внешней политики большинства стран мира.

Поэтому для нас вопрос состоит не столько в том, чтобы рассуждать о природе и механизме глобализации, а в том, чтобы ответить, по возможности верно, на один вопрос: препятствовать или способствовать вовлечению Казахстана в процесс глобализации мировой политической системы и мировой транснациональной экономики.

Одним словом, является ли для нас глобализация пандемией, против которой нам необходимо искать соответствующий внутринациональный антибиотик, или же это свежий бриз, который может наполнить паруса нашей государственности и экономики и, так сказать, задать импульс развития, наиболее полно отвечающий интересам нашего народа?

Колесо глобализации набирает обороты и здесь вопрос стоит не столько о том, куда движется этот поезд, а в том, что именно он сегодня определяет стратегический вектор развития всего человечества. В конце концов, в авангарде «гусиной стаи» находится цвет мировой цивилизации и прогресса, нравится это кому-либо или нет. Можно любоваться этой стаей с земли и мечтать о небе, но можно присоединиться к ней и, по крайней мере,

знать цену полета и перспективы конечного пункта. Каждый соизмеряет и определяет вектор собственного развития сам, но не примерять его к эталонным стандартам идущих впереди было бы слишком недальновидно и неосмотрительно.

Закрытое общество – это возможность полета в клетке, пусть даже очень большой. Открытое общество – это возможность полета в небе. И нам, сообразно нашей истории и свободному духу, все-таки ближе последняя аллегория – орел, парящий под ярким солнцем в бесконечном степном небе...

Поэтому плохо или хорошо мы прошли подготовительный этап, но я имею смелость и основания заявить: из всех стран Центральной Азии к настоящему моменту Казахстан максимально подготовлен к тому, чтобы емко и быстро войти в объективный процесс политического и экономического интегрирования мирового сообщества.

И именно поэтому мы наиболее подготовлены, чтобы преодолеть отмеченные мною опасности, которые ожидают нашу страну в ближайшем десятилетии. Максимальную степень безопасности мы сможем обеспечить только в условиях максимальной интеграции в мировое сообщество. Это вовсе не означает, что для нас глобализа-

ция – это панацея от всех угроз и опасностей для нашей национальной и государственной безопасности. Но совершенно ясно одно: уровень угроз настолько высок и многолик, что справиться с ними в одиночку немыслимо и бесполезно.

Мы не можем гадать, прав или неправ глобализм, альтернативы ускоренному цивилизационному развитию социума и внутренней экономики по либеральному типу не видим. Но совершенно естественно, что даже речи не идет о прямом копировании этого варианта. Механический слепок заведомо хуже осмысленной скульптуры. Вобрать все лучшее от мирового опыта и мобилизовать наши глубокие национальные традиции на службу социально-экономическому прогрессу – вот ключ к успеху: стабильному и процветающему Казахстану.

Когда Эзопа попросили назвать самое худшее блюдо, он назвал «язык», а когда его спросили почему, Эзоп отвечал: «Потому, что с помощью языка предают, казнят, убивают и возводят хулу на человека!». На вопрос же, какое же блюдо является лучшим, Эзоп ответил: «Язык» и пояснил: «С помощью языка говорят о любви, превозносят дружбу, выражают благодарность и заставляют людей быть лучше, чем они были и есть!».

У глобализации, как явления, много достоинств и много недостатков. И когда люди и общество выбирают свой путь интеграции в мировое сообщество, они не склоняются к совершенной и идеальной модели развития ввиду полного отсутствия таковой.

Так и мы, казахстанцы, выбираем свой путь к интеграции в мировое сообщество, опираясь на происходящий процесс глобализации не потому, что этот путь абсолютно совершенен, а потому, что для нас и для Казахстана в нем больше положительных сторон и преимуществ, чем отрицательных сторон и недостатков.

Наш основной приоритет незыблем и бесспорен: безопасность нации и сохранение государственности. Здесь, тем не менее, возможно большое количество трактовок и вариантов: как и какими способами обеспечить безопасность народов Казахстана и одновременно избежать катаклизмов, могущих привести к распаду государства или ослаблению государственности, независимости и суверенности.

В этом деле нам необходимо признать реальность и полагаться в основном только на себя, на свой богатый культурный, человеческий и ресурсный потенциал. Мы не должны полагаться на вселенский альтруизм. Не-

обходимо помнить, что все страны, по крайней мере сегодня, еще достаточно далеки от того, чтобы игнорировать свои национальные внутренние интересы в пользу интересов общечеловеческих.

Фундаментальное и удивительно упорное непонимание того, что каждая культура, каждый этнос и каждая цивилизация, какими бы отсталыми или консервативными они не были, имеют право на существование, самоидентификацию и свое место под солнцем, будет являться перманентным источником региональных конфликтов и локальных очагов политической борьбы и вооруженных конфронтаций. Граница противостояния будет проходить не только между культурами и цивилизациями. Это слишком однобокий футуризм.

Граница раздела и конфликтов будет проходить по всем граням противоречий: между бедностью и богатством, за природные и гуманитарные ресурсы, между членами одной и той же конфессии и разными религиями, между глобалистами и антиглобалистами, между государственной самоидентификацией и транснациональной корпоративностью, за информационные и коммуникативные ресурсы.

Но есть и другие аспекты будущего, ко-

торые не несут прямой геополитической или геостратегической нагрузки.

Эти проблемы касаются всех жителей планеты и они известны: экспоненциальный рост концентрации углекислого газа, радиационные загрязнения, вытравливание озонового слоя, мутагенные факторы, экологические кризисы, истощение природных ресурсов, демографические проблемы.

Прогнозируется, что к 2015 году половина жителей планеты будет испытывать недостаток чистой воды. К этому времени население с 6,1 миллиарда человек вырастет до 7,2 миллиарда.

Примеряясь к неопределенной поступи глобализации, к ее то осторожным, то слишком самоуверенным шагам, мы должны безотлагательно решать и решить насущные проблемы, которые касаются Казахстана как составной части мирового сообщества.

Мне хотелось бы процитировать один документ, который появился на свет в конце 2000 года. Речь идет о докладе «Глобальные тенденции 2015», подготовленном американскими экспертами. Я приведу цитату, которая, несмотря на всю свою двусмысленность и геополитический контекст, все же достаточно реально отражает суть взаимоотношения между суверенной политической во-

лей и международной интеграцией: «...Государства с неэффективным и некомпетентным правительством не только не смогут извлечь пользу из глобализации, но в ряде случаев породят конфликты и дома, и за рубежом, что приведет к еще большему разрыву между региональными победителями и проигравшими, чем тот, который существует сегодня...».

«Сон разума рождает чудовищ...». И для меня смысл этой фразы получает новое звучание и новый контекст – замкнутость суверенного пространства и отсутствие динамики во взаимодействии с мировым сообществом выльется, в конце концов, в коматозное состояние экономики и социума. Интеграционные усилия и приобщение к процессу глобализации – это единственный вектор развития.

Мы не можем гарантировать отсутствие кризисов на нашем пути. Но можем гарантировать, что многолетний опыт и традиции, заложенные в нашем обществе, позволят достойно и с пользой выйти из любого кризиса.

Мы способны на это. Наш народ несет в себе огромный интеллектуальный и духовный потенциал.

В этом основа нашего исторического оптимизма и безопасности в критическое десятилетие национального, регионального и глобального будущего...

Оглавление

Введение. Память огня.....	7
Часть I. .Империя страха и риторика террора.....	27
Часть II. В религии экстремизма нет.....	71
Часть III. Зона особого внимания	109
Часть IV. Каспий между тысячелетиями ..	143
Часть V. Пути безопасности	169
Заключение.....	219

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич

КРИТИЧЕСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Редактор *Н. Жиенгалиев*

Художественный редактор *А. Искаков*

В оформлении обложки использована работа

«Дверь благословения» *С. Бультриковой*

Технический редактор *О. Рысалиева*

ИБ№ 009

Сдано в набор 14 01 2003 Подписано в печать 30 01 2003

Формат 60x90¹/₁₆ Бумага офсетная

Гарнитура «Гельветика» Печать офсетная Усл - печ л 15,0

Уч -изд л 10,15 Заказ № 38

Издательство «Атамұра», 480091, г Алматы, пр Абылай хана, 75

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики Казахстан,
480002, г Алматы, ул М Макатаева, 41